

Воин Великой Тьмы

Автор:

[Ник Перумов](#)

Воин Великой Тьмы

Ник Перумов

Миры Упорядоченного Хроники Хьерварда #2

Разлученные брат и сестра Трогвар и Арьята оказались в разных уголках мира Хьёрвард. Они пытаются встретиться и вернуть себе законный престол их отца, короля Халлана. Для этого они заключают договор с Истинным Магом Ракотом, помогая ему в восстании против Молодых Богов.

Ник Перумов

Воин Великой Тьмы

Часть четвертая

Глава I

Хриплые трубы на привратных башнях сыграли вечерний сигнал – в знак того, что городские ворота вот-вот закроются. Последние прохожие торопились, миновав узкий подъёмный мост, укрыться за надёжными стенами Нелласа. Большой торговый город в самом дальнем северо-западном углу Халланского

королевства жил в постоянном страхе перед набегом варваров Загорья, и никто не осмеливался ночью в одиночестве бродить по его окрестностям. Мелкие шайки грабителей рыскали вокруг кольца неприступных стен, точно голодные псы подле трактирной кухни, и горе тому несчастному, кто попадался им в лапы! Вывести разбойную заразу не удалось ещё ни одному из градоначальников Нелласа, что брались за эту поистине непосильную задачу.

– Хвала милосердной Ялини, мы в безопасности! – с облегчением вздохнул один из прохожих, последним миновавший мост вслед за своим многочисленным семейством. Впереди на невзрачном старом муле ехала закутанная в широкий, бесформенный плащ женщина, держа на руках младенца; за ней следовал уныло понуривший голову ослик – на его спине устроились близнецы, мальчик и девочка постарше. Стараясь не свалиться на землю, они отчаянно боролись со сном и постоянно клевали носами. Подросток лет четырнадцати вёл в поводу навьюченную лошадь; рядом с ним шагала девушка примерно шестнадцати годов, в тёмном плаще и безобразном платке, совершенно скрывавшем её лицо от посторонних взглядов. Сам отец семейства замыкал шествие. На правую руку его был намотан ременной повод ещё одной лошади с тюками.

Процессия эта ничем не отличалась от десятков и сотен других точно таких же, торопившихся в этот вечерний час найти ночлег в трактирах и на постоянных дворах Нелласа. Стража в воротах, однако, придирчиво осмотрела новоприбывших, не поленившись даже перевероршить их поклажу – небогатый скарб вчерашнего ремесленника, согнанного с родных мест последним налётом варваров. Городовая дружина Нелласа поневоле проявляла бдительность – она хорошо помнила тот день, когда такие же точно тихие, невзрачные люди мало-помалу скопились в воротах, обступили стражников со всех сторон, а затем из-под драных плащей внезапно появились кинжалы. Разбойники тогда стремились захватить проход и открыть дорогу в город коннице варваров, что скрывалась всё это время в близлежащих оврагах.

Однако на сей раз стоявший у ворот стражник не увидел никаких причин для беспокойства – даже кухонные ножи у этих беженцев были увязаны вместе, согласно указу, и спрятаны на самое дно дорожных тюков. Вялые, безразличные, эти люди покорно ждали окончания унижительного досмотра.

– Проезжайте. – Воин наконец махнул рукой. Ответом ему послужили многочисленные раболепные поклоны всех взрослых членов семьи. – Спасу от этих голодранцев не стало, – проворчал им вслед стражник, со злостью

сплёвывая на землю. – Лезут и лезут, и конца-краю нет... Вышибить бы их всех из славного Нелласа...

– Во-во, налог не платят, а обороны требуют, – поддержал стражника сотоварищ, вышедший из караульного помещения и случайно услышавший последние злые слова. – А дать бы каждому меч в руки да заставить в одиночку усадьбы защищать!

Они дружно сплюнули ещё по разу и принялись с натугой закрывать тяжёлые створки ворот. Потом задвинули многопудовый, хорошо смазанный засов и вернулись в караульню. Впереди была ещё целая ночь – скучная ночь, потому что начальник городской дружины отобрал все до единой бутылки с вином, заблаговременно припрятанные в надёжных, как казалось, местах. А вдобавок он грозил страшными карами, если воротная стража выпьет хоть глоток и будет, в нарушение приказа, отсиживаться всю ночь под крышей, вместо того чтобы совершать обходы прилегающих к воротам улиц. Начальника стражи знали, уважали и побаивались – он вполне мог заявиться посреди ночи с проверкой...

* * *

– Уф! – вырвалось у мальчишки-подростка, едва семья бедных беженцев завернула за угол. – Слышь, Арьята, ты со страху так тряслась, что я уж думал – если нас сцапают, так только из-за тебя! И ещё – ты что, не могла поулыбаться этому воину, когда он тебя обыскивал? Глядела на него волком!

– Улыбаться этому скоту, который тебя... – с холодным негодованием бросила ему девушка в безобразном платке. – И, Альтин, оставь этот свой отвратительный тон! Так изъясняются только самые ничтожные из простолюдинов!

– Да ладно тебе, принцесса! – начал было спорить мальчишка, но ехавшая на муле женщина с младенцем тотчас оборвала его – сильным, звучным голосом, привыкшим повелевать:

– Замолчите оба, вы, оба! Погубите всех!..

– Слушайте королеву, дети, – с укором покачал головой мужчина. – Нам с таким трудом удалось сбить погоню со следа... Давайте будем внимательнее! Неллас, конечно же, безопаснее столицы, но у врага и тут хватает шпионов. Арьята, твой брат кое в чем прав – ты никак не можешь как следует сыграть дочь бедного, измученного жизнью ремесленника. Правда, и ты, Альтин, по части актёрства недалеко ушёл от сестры.

Пока длился разговор, странные беженцы свернули с одной из главных улиц города, очутившись в узком и кривом переулке, освещённом только тусклыми закатными лучами, в то время как на главных площадях и в торговых рядах уже горели яркие нефтяные факелы. Вокруг тянулись ветхие и покосившиеся дома с наглухо заколоченными окнами. Казалось, здесь уже давно никто не живёт.

– Надёжно ли это место, о мой супруг и повелитель? – шёпотом обратилась королева к своему спутнику.

– Надёжно, насколько что-то может быть надёжным в эти времена, – со вздохом ответил тот. – Похоже, вести о нашем бегстве сюда ещё не докатились. А хозяин, старый Гормли, знавал меня ещё ребенком. И хотя человек он тёмный и даже страшноватый, доверять ему можно. Нам нужно провести здесь только одну ночь, завтра мы покинем Неллас и через три дня доберёмся до заставы, где командует Барэй. Я спас ему жизнь в прошлом походе, я сделал его сотником моей гвардии, а теперь его загнали в эту глухомань заурядным десятником. Я очень рассчитываю на него. Если мой голубь добрался до заставы, Барэй уже предупреждён, и мы сможем отдохнуть там несколько дней. А потом – через перевал, к морю – и на юг, во владения нашей родни, на остров Меркол. Там мы будем в безопасности...

– Помоги нам в этом, Ялини, – вздохнула женщина. – Твой план очень хорош, о супруг мой, но почему же ты рассказал нам о нём только сейчас? – В её голосе послышался мягкий упрек. – И мне, и Арьяте было бы спокойнее...

– Я и так спокойна! – возмутилась принцесса под насмешливым взглядом брата. – И отец правильно делал, что держал всё в секрете, – если бы Нарайя знала, куда мы направляемся, что бы тогда было?

Королева вздрогнула и опустила голову.

– Да, нельзя исключить то, что она сбежала, с тем чтобы выдать нас, – невесело подтвердил король. – Чем меньше слуг знает о твоих планах, тем больше шансов, что задуманное исполнится. Однако же мы пришли! Видите эту дверь?

Процессия остановилась перед обшарпанной дверью, кое-как сколоченной из обрезков дубовых досок. Дом смотрел на улицу несколькими окнами – выбитыми и тёмными, у покосившегося крыльца буйно разрослись сорные травы. Ехавшие на осле мальчик и девочка как по команде захныкали, требуя ужин и постель.

– Это недостойно вашей королевской крови! – гневным шёпотом пристыдила их Арьята; в кои веки соглашаясь с сестрой, Альтин тоже шикнул и притопнул ногой.

После того как порядок был восстановлен, король негромко постучал четыре раза, затем, после паузы, – ещё столько же. Наступила тишина, все затаили дыхание.

– Кто там? – произнёс за дверью чей-то спокойный голос. Он звучал глухо, произнося слова со странным акцентом, однако в нём чувствовались скрытая сила и уверенность.

– Почтенному Гормли привет от хозяина этой земли! – твёрдо ответил король – и дверь тотчас распахнулась. В проёме появилась невысокая фигура в просторном кафтане, на поясе хозяина висел короткий меч.

– Входите скорее, мои повелители! – торопливым шёпотом выговорил человек, наскоро поклонившись и поспешно освобождая проход. – Давайте мне ваших животных, я позабочусь, а вы проходите внутрь, тут путь один, не собьётесь...

Гормли выскочил в переулок, поспешно хватая под уздцы сразу всех коней и норовя увести в то же время и ослика. Он пару раз лягнул ногой стену дома возле открытой двери, послышался лёгкий шум, деревянные панели разошлись, открывая вход во внутренний крытый двор. Альтин и его младший братишка глазели на всё это с раскрытыми ртами.

– Не стойте на улице, ваши высочества, заходите быстрее, – торопил их Гормли, скрываясь с ослом и конями в тёмной утробе своего странного дома. Беглецы последовали его настойчивому совету.

Внутри всё оказалось неожиданно чисто, хотя и очень просто, без малейшего признака роскоши. Стоял деревянный стол, шесть стульев вокруг него, по углам просторной комнаты были устроены лежаки, покрытые цветастыми одеялами. Королева могла бы поклясться, что в этом неброском, но очень аккуратном убранстве чувствуется женская рука.

Беглецы ещё не успели даже как следует усестыся, как на пороге появился Гормли с большим подносом, уставленным многочисленными горшками и плошками, от которых исходил аромат хорошо приготовленной рыбы.

– Прошу вас, ваши величества, – вновь поклонился хозяин.

Он достал с полки лучину, зажёг её в очаге и с живым огоньком в руках обошёл комнату по кругу, коснувшись им фитилей нескольких масляных ламп. Их свет окончательно прогнал сгустившийся было полумрак; только теперь королева и её дети смогли как следует разглядеть того, кто укрывал их, рискуя свободой и жизнью.

Нельзя сказать, чтобы это было очень приятное зрелище. Они увидели вытянутый шишковатый череп, лишённый даже малейшего намека на волосы; нос был перебит, ноздри – вырваны. Щёки исполосованы уродливыми синюшно-багровыми шрамами, из-под верхней губы торчал кривой зуб. Длинные руки свисали почти до самых колен, на мизинце левой – не хватало фаланги.

Гормли был стар, очень стар, кожа на лице стала красно-коричневой и свисала многочисленными складками, глаза глубоко запали, мохнатые брови были совершенно белы. Руки покрывала частая сеть глубоких морщин; однако глаза смотрели ясно и пронзительно, что никак не вязалось со всем обликом глубокого старика. От наблюдательной Арьяты не скрылось и то, что сутулость Гормли была явно напускной, а пальцы двигались с ловкостью молодого чеканщика и ничуть не дрожали – а ведь дрожью в пальцах страдали все без исключения старики в северных землях, все, кому посчастливилось перевалить на седьмой десяток. Гормли даже на первый взгляд можно было дать все девяносто, однако передвигался он на удивление мягко и ловко.

Миски и плошки дымились на столе, очень быстро расставленные узловатыми и длинными пальцами хозяина. Их величества не заставили просить себя дважды, однако если Арьята и тут ела с великолепным достоинством, точно на Большом

Приеме, то Альтин и младшие уписывали еду за обе щеки, не гнушаясь помогать себе руками, и совсем не обращали внимания на негодующие взгляды старшей сестры.

Король ел мало, полностью погрузившись в свои мысли; Гормли тактично не начинал разговора, пока гости не насытятся.

Когда посуда опустела и старый хозяин убрал со стола, младшие дети, не исключая и Альтина, уже вовсю зевали и тёрли кулаками глаза. Гормли поспешил увести их всех наверх, и они послушно последовали за ним, несмотря на то, что младшая девочка полушёпотом призналась Арьяте: «Какой страшный дед!».

За столом наконец остались только королевская чета, Гормли да упрямая Арьята. Младенец проснулся и было захныкал, но старик склонился над ним, что-то негромко прошептал, провёл рукой над головой ребёнка... и тот вновь безмятежно засопел.

– Теперь можно поговорить, Гормли, – обратился к хозяину король, поднимая угрюмый взгляд от столешницы.

– Да о чём же тут говорить? – Гормли ухмыльнулся, но тоже как-то невесело. – Я и так всё знаю. Они посадили на трон эту эльфийскую полукровку! Они объявили тебя, мой король, убийцей и палачом, прогневавшим Молодых Богов, и теперь лишит тебя жизни – первейший долг каждого верноподданного... Ну и так далее. Только старый Гормли и может помочь тебе сейчас добраться до заставы Барэя и дальше, за перевал, на побережье...

– Откуда ты знаешь о Барэе? – вздрогнул король.

– У меня хорошая память, – усмехаясь, ответил старик. – Я помню всех, кого ты возвысил или с кем обошёлся немилостиво. Я помню командиров всех десятков в nellасской тысяче. Так что догадаться мне нетрудно.

– Да, ты прав, – успокаиваясь, кивнул головой король. – Мы хотим отправиться...

– Тсс! Я не доверяю до конца даже этим стенам! – Гормли внезапно прижал палец к губам. – Можешь не говорить, ваше величество. Знаю и так. Только на твоём месте я бы не уплывал так далеко. Всё ещё можно поправить!..

– Как же?! – Арьята невольно подалась вперёд и тотчас осеклась под осуждающими взглядами отца и матери. Принцесса смутилась, на щеках её вспыхнул быстрый румянец.

– Её высочество совершенно правы. – Гормли кивнул головой. – Надо задавать себе безумные вопросы, только тогда можно надеяться отыскать выход из положения, на первый взгляд кажущегося совершенно отчаянным. Зачем вам бежать так далеко? Что вы скажете о Красном замке?

В комнате повисла гнетущая тишина. Даже масляные лампы, казалось, разом стали больше чадить, и свет их померк. У королевы от испуга округлились глаза, она невольно прижала ладони к щекам, более мужественная Арьята стиснула кулаки, но и она не удержалась от невольной дрожи. Король отвёл взгляд; его пальцы нервно забарабанили по столу.

– Красный замок? Это проклятое богами место? – наконец выговорил он, с трудом разлепив губы. В глазах его явственно читался страх. – Это же оплот Тьмы! – и постепенно поправился, видя укоризненно-разочарованное выражение на лице Гормли: – Так говорят люди...

– Всегда ли достойно короля слепо повторять досужие сплетни? – с осуждением промолвил Гормли. – Всё совсем не так. Замок ныне покинут и необитаем. Но это сильная крепость, взять её приступом очень трудно, почти невозможно. Тамошние края изобилуют смелым и вольным народом, ждущим только вождя, чтобы сплотиться вокруг него. Эльфы тоже нравятся далеко не всем в Халлане – не пройдёт и года, как у тебя под началом будет сильное войско и ты сможешь вновь попытаться счастья. А кроме того, – Гормли ещё понизил голос, придвигаясь к самому уху короля, – Красный замок – это цитадель свободного знания! Там ты сможешь стряхнуть пыль с тех уроков колдовства, что когда-то преподавались тебе. Тогда на твоей службе окажутся не только мечи и копья, но и легионы существ, куда более могущественных, чем смертные ратники! Подумай, ты ведь знаешь, что я не лгу.

– Я знаю это, но я не могу понять, отчего ты так настойчиво толкаешь меня и мою семью в это жуткое место? – Король изо всех сил боролся с постыдной дрожью.

– Со мной-то всё просто – я не забываю добра и хочу помочь тебе всем, чем только могу, – с некоторой обидой ответил Гормли, однако обида эта показалась Арьяте несколько наигранной – будучи сама предельно честной, она тонко чувствовала фальшь и неискренность в словах других.

– Но я уже забыл всё, что знал из колдовской науки, – продолжал упорствовать король. – Кроме того, ты сказал, Замок необитаем, так что мы там станем делать одни? Откуда возьмём еду, одежду, слуг? И где мне искать тот вольный народ, о котором ты сейчас говорил? Ну и, наконец, отчего же всё-таки о Замке идёт худая слава?

– На твой последний вопрос ответить очень легко, – ни на миг не запнувшись, отвечал Гормли. – Худая слава – дело рук эльфов и их подручных. Перворождённые слишком надменны и слишком горды для того, чтобы признать очевидное: человек имеет такое же право на знания, как и они. Оттого Перворождённые и плетут всякие небылицы о тех местах, где Смертный может действительно чему-то научиться. Всё ведь зависит не от стен и башен, а от того, кому принадлежало это место в прошлом и что может найти там тот, у кого ещё не пропало желание искать!

– И кому же принадлежал Красный замок? – полушёпотом, в тон Гормли, спросил король.

– У него было много хозяев, – со странной усмешкой ответил старик. Арьята невольно вздрогнула – усмешка эта показалась ей жутким оскалом восставшего из могилы скелета. – В незапамятные времена его построил маг и чародей по прозвищу Старый Дракон. Имя его, должно быть, знакомо вам по летописям Халлана – в ту пору он немало помогал первым властителям страны. Им заложены основы. Потом Замок владели его ученики и ученики его учеников. Но в один прекрасный день Перворождённые, движимые завистью к чародеям из числа Смертных, напали на Замок, и длинный ряд хозяев крепости прервался. Однако даже эльфы не смогли разрушить несокрушимые стены и башни, даже они не смогли добраться до тайников – и в назначенный срок в Замке появился новый хозяин. В свой черёд и его сменил молодой, выпестованный им ученик, и так далее, однако последний владелец не оставил преемников. Замок пуст, и

хозяином станет тот, кто первым ступит под его своды, если, конечно, у смельчака есть дар чародейства. Я бы посоветовал тебе поторопиться. Эльфы могут и надоумить Владычицу! А уж она-то, не сомневайся, сумеет подобрать ключи к Замку! – Гормли умолк и откинулся на спинку стула, откровенно наблюдая за королём.

Тот вновь опустил голову, упрямо рассматривая затейливый сучок на деревянной столешнице. В комнате воцарилась тишина. Арьята затаила дыхание, ей бы очень хотелось украдкой бросить взгляд на Гормли, однако она не осмеливалась. Что-то глубинное, тёмное, нечеловеческое чувствовалось в нём, и Арьята, способная ученица Ненны, одной из известных колдуний Халлана, ясно видела край бездонной пропасти в сознании Гормли, край той пропасти, откуда исходила эманация того самого кошмарного Повелителя Мрака, о ком даже волшебники не осмеливались и задуматься.

– Отец... ваше величество, – она тотчас поправилась, – позволь сказать мне! – Она ощутила упёршийся ей в затылок холодный взгляд Гормли, и безотчётный страх едва не заставил её замолчать. – Колдовство – плохой помощник в делах королевства. Давай лучше уедем! Я так боюсь этого Красного замка!

Последние две фразы были сказаны специально для Гормли, Арьята тщилась изобразить понятный страх изнеженной принцессы, но обманули ли хитрого старика её слова?

– О, супруг мой. – Даже сейчас королева не забывала об этикете. Арьята невольно подумала, что мать и на смертном одре не обратится к королю по имени. – О, господин мой и повелитель, всей нашей прожитой жизнью заклинаю тебя: не нужен нам этот Замок! Благодарю тебя, Гормли, за верную службу. – Голос королевы звучал любезно, но под бархатистостью тона в нём чувствовался непреклонный отказ. – Благодарю и выражаю своё удовлетворение. Ты старался, как мог, дабы помочь нам. Но мы – обычные смертные, далёкие от магии. Поэтому уж лучше мы уедем к нашей родне, не так ли, о муж мой?

– Ты рассудила правильно, моя королева, – через силу улыбнулся король, который, судя по всему, уже начал колебаться. – В самом деле, Гормли, я же не колдун. Я могу командовать полками, могу заседать в Коронном Совете, но повелевать демонами – нет, это не по моим скромным силам.

– Напрасно ты так думаешь, мой господин, – возразил Гормли, ничуть не растерявшись. – Как твоя семья смогла бы так долго удерживать трон одного из самых богатых королевств Западного Хьёрварда, если бы не обладала природными способностями к магии? Мне известна история вашего дома. Напомнить, как твой прадед подчинил себе драконов и отстоял столицу от орд колдуна Варгаса? Или как твой прапрадед вызвал из морских глубин Народ Каньонов и обратил в паническое бегство троекратно сильнейший флот разбойников с востока? И в тебе самом тоже скрыты зачатки колдовского умения. Ты отверг предложение развить их, мне известен твой ответ самому Магу Макрану, когда он милостиво выразил желание обучить тебя началам волшбы. По-моему, это была ошибка... Однако я должен сказать тебе, что начать никогда не поздно.

– Арьята и ты, Меанда, оставьте нас, – не поднимая глаз, обратился король к жене и дочери.

– Я наследница престола, – упрямо вскинула подбородок принцесса. Её мать замерла от удивления на полпути к двери. Арьята впервые столь открыто прекословила отцу. – Я имею право слышать всё касающееся того, куда мы отправимся и как станем бороться за трон.

– Арьята! – нахмурился король. – Я уважаю твои права, но тут дело слишком важное и деликатное. Иди!

– Пойдёмте, принцесса, поможете мне отнести Трогвара. – Королева осторожно коснулась плеча дочери свободной рукой. Другой она держала младенца, крепко прижимая его к груди.

– Зачем же отсылать такую смелую принцессу, ваше величество? – усмехнулся Гормли. – По мне, ей лучше остаться. Мы ведь с ней как-никак спорим; я уговариваю вас занять Красный замок, её высочество возражает. Отлично! Вот и поговорим.

– Нет! – потемнел лицом король. – Говорить мы будем с тобой вдвоём, Гормли. Дело это может обсуждаться только между нами.

Гормли с делано виноватым видом развёл руками перед Арьятой – дескать, рад бы помочь, да ничего не получается. Принцесса поднялась и молча поклонилась

отцу. Лицо её стало церемонно-каменным, точно на великосветском рауте.

Когда за королевой и Арьятой закрылась дверь, Гормли заговорщически пододвинулся ближе к королю.

– И всё же, ваше величество, не уразуметь мне, старому, подобных доводов и резонов. Что ждёт тебя на Мерколе? Крошечное островное княжество, не княжество даже, а так, чуть выше простого баронства. Тысячи три мечей. Примерно сотня боевых кораблей, да и то, стыдно сказать, не на каждый найдёшь кормчего, что согласится вести судно к твоей столице! Новая Владычица очень скоро узнает, где ты скрываешься, – судя по всему, у неё отличные прознатчики, пришлёт посольство с грозной грамотой... Ты думаешь, хозяева Меркола пренебрегут опасностью вторжения халланской рати во имя родственных чувств? Да они выдадут тебя тотчас же! Быть может, едва ты ступишь на их берег, как будешь схвачен и заточён – чтобы потом потребовать выкуп побогаче за знатного пленника. Отчего ты не хочешь прислушаться к голосу разума, о мой король?

– Потому, что мне страшно, Гормли, – в упор ответил изгнанник. – Ты говоришь, во мне есть зачатки способностей к колдовству. Так вот сейчас эти зачатки и говорят мне: Красный замок – это логово Тьмы, это обиталище Зла, и, вступив на этот путь, я заплачу уже не только своей жизнью, но и своим посмертием, что гораздо страшнее. Нет, это не по мне. Владычица милостива: ни один из моих сторонников не казнён, и ни у кого не отняты свобода и могущество, а ссылка на дальние рубежи – не самая жестокая кара за верность мне.

– Коварство эльфов велико, – заметил Гормли, испытующе поглядывая на короля. – Она может устроить такое с расчётом, что ты, ваше величество, примешь всё это за чистую монету и – явишься с повинной, убереги тебя от такого решения... гм... пресветлый Ямерт! А потом, когда ты будешь у неё в руках... Кто сможет помешать ей учинить над тобой скорый и неправый суд?

– Но все благородные сословия... – запротестовал было король, однако Гормли резко поднял руку, останавливая его.

– Сэйравы в подавляющем большинстве не видят дальше своего носа, – отрезал он. – Ты просто исчезнешь, никакого суда не состоится! Сгинешь бесследно в дворцовых подземельях...

– Гормли, твоё всезнание начинает меня пугать, – попытался отшутиться король, но было видно, что ему стало не по себе – сколько же открыто этому уродливому древнему старику с тёмным прошлым... – Конечно, ты во многом прав, – продолжал изгнанник. – Верно, Меркол очень невелик. Верно, большой ратной силой он никогда не славился. Верно, народ там живёт мирный. Я соглашусь даже с тем, что родня наша не слишком-то отличается пылкостью семейных чувств. Но ты так ничего и не возразил на мои слова, что Красный замок – это цитадель Зла в нашей области Западного Хьёрварда. Скажи мне, что это не так! Об этом месте сложено чересчур уж много страшных легенд, а ты сам знаешь, что дыма без огня не бывает.

– Да за всеми этими слухами и рассказками – козни эльфов!.. – проникновенным голосом начал было Гормли, но король неожиданно перебил его:

– Что-то ты больно часто сваливаешь всё на Перворождённых. – Он покачал головой. – Слишком уж всё это у тебя просто выходит. Эльфы виноваты – и весь разговор. Однако, когда у нас свирепствовала Чёрная смерть и несколько приморских городов вымерли полностью, до последнего человека – взять хотя бы тот же Беттор, – именно Перворождённые своей магией помогли нам спасти остальную часть королевства. И они говорили тогда... что наслал эту напасть сам Властитель Мрака! И я не мог не поверить им.

– Да, ты поверил, мой повелитель, а вместо благодарности получил подготовленный эльфами переворот! – возразил Гормли.

– Всё это слова, – нахмурился король. – Дело сейчас вовсе не в этом. Кто стоял за всеми хозяевами Красного замка? Откуда черпали они свою силу? Они ведь были не из числа Истинных Магов? И что-то не похоже, что сидевшие в Замке пользовались бы благорасположением Молодых Богов. Так откуда берёт своё начало магия Красного замка? Ответь мне только на этот вопрос, Гормли, и этим самым разрешатся и всё остальные. Однако знай, что на стороне Тьмы я не выступлю.

Воцарилась тишина. Король смотрел прямо в глаза старому Гормли, однако и тот не отводил взгляда. Бывший правитель Халлана видел в этом взоре странное успокоение, как будто старик только что принял какое-то долго откладывающееся, очень важное решение. С некоторым удивлением король вдруг понял, что Гормли потерял всякий интерес к разговору с ним и больше не хочет его ни спрашивать, ни уговаривать. Мысли этого странного человека были

заняты чем-то совсем иным.

– Ну, не хочет ваше величество туда идти, так и не надо, – равнодушно произнёс Гормли. – Кто же смеет тебе что-то навязывать! Завтра я вас выведу из Нелласа и провожу до самой заставы, где начальником твой Барэй. Пойдём моими тропами, которые и пастухам местным неведомы. – Старик поднялся. – Огонь пора тушить, государь, а то, не ровён час, рыночная стража нагрет.

– Конечно, туши, Гормли. – Король поднялся, запахивая плащ.

Одна за другой гасли масляные лампы, комната погружалась в темноту.

«Удивительное дело, – думал король, невольно следя за стариком, что мягкими шагами обходил углы, старательно накрывая фитили специальными колпачками. – Уж сколько лет я знаю этого Гормли, а он всё такой же. Клянусь Вихрями Ямбрена, за последние тридцать лет он ничуть не изменился. И почему он так настойчиво тянул меня в этот Красный замок? Как будто сам не знает, что это гиблое место...»

Последняя лампа погасла.

– Ну, пожалуйста почивать, мой повелитель, – совсем рядом вздохнул Гормли, предусмотрительно распахивая дверь перед королём.

– Благодарю тебя. – Изгнанник наклонил голову и начал подниматься по ступеням. За его спиной на входной двери лязгнули дополнительные засовы.

Глава II

Арьяте не спалось. Младшие и Альтин давно уже сопели, с головами закутавшись в одеяла, дремала мать, покормившая маленького Трогвара, а принцесса всё лежала, не шевелясь, на спине, глядя в темноту широко раскрытыми глазами. Она не сомневалась в своих способностях. Учившая её колдунья не раз задавала ей самые трудные задания – проникнуть в сущность оказавшегося перед ней человека, узнать его прошлое, прочесть его мысли, – и

Арьята никогда не ошибалась. Наставница всё твердила, что у её высочества – редкий дар, и всё жалела, что принцессу нельзя отправить в какой-нибудь настоящий колдовской орден, где она достигла бы подлинных вершин мастерства. Арьята не сомневалась, что в душе старого Гормли таится что-то очень тёмное и страшное, какая-то мрачная тайна, однако настолько искусно скрытая многими слоями магической защиты, что неопытная волшебница не могла без посторонней помощи пробиться к её сути. Однако подозрения вызывало уже само существование подобной защиты. Кто мог создать такие охранные заклятья – ведь для этого нужно быть необычайно искусным колдуном или, того больше, Истинным Магом? Здесь крылась какая-то тайна, не так уж прост оказался этот жутковатый старик... Во имя пресветлого Ямерта, ну чем же кончился их разговор с отцом? Хотя папа никогда не согласится принять покровительство Тьмы, он скорее расстанется с надеждами на возвращение трона или даже с жизнью!

За плотно занавешенным окном медленно ползла ленивая старуха ночь; поднялся ветер, и длинная ветвь какого-то дерева стала мерно царапать в запертый ставень. Раз, и другой, и третий... Точнее, Арьята пыталась уверить себя, что это всего-навсего ветка... хотя страх запустил коготки глубоко в душу принцессы, и её мысленному взору с пугающей чёткостью представилось жуткое страшилище, бесформенная чёрная масса, лишённая четких очертаний и оттого ещё более пугающая.

А потом ритм размеренных скрипов вдруг изменился. В самый первый момент Арьята подумала, что ветер задул по-другому, не больше, но в ту же секунду девушку словно что-то кольнуло: опасность! – заставив принцессу скатиться с лежанки и слепо броситься к окну. Она хотела крикнуть и не смогла – страх сдавил горло. Опоздав на долю мгновения и спохватившись, в душу девушки вцепился липкий обессиливающий страх. Правая рука Арьяты сжала выхваченный из-под подушки острый и длинный стилет драгоценной гномьей стали – подарок на день совершеннолетия.

Девушка всё же сумела крикнуть: «Мама!» – и схватить в охапку малыша, но тут в ставни ударило что-то тяжёлое и мягкое. Рама вылетела, внутрь просунулось нечто живое, зловонное, извивающееся... Арьята, задыхаясь от омерзения, но одолев свой всегдашний страх перед змеями и лягушками, с визгом метнулась к вползающему в окно существу, с размаху всадив стилет в податливую горячую плоть.

От шума, грохота и крика проснулись все остальные. Не пытаясь больше напасть, тварь в окне поспешно отдёрнулась, снизу донёся мокрый и тяжёлый шлепок – и тотчас же воздух над самым ухом Арьяты вспорол что-то свистящее. В узкий проём стремительно протиснулась тощая и длинная фигура. Арьята с отчаянием вновь попыталась ткнуть появившегося стилетом, однако тот оказался умелым бойцом – скрутившись, точно уж, он перехватил занёсшую оружие руку и в один миг вырвал клинок. В комнате было по-прежнему темно, метались и вопили дети, королева билась у выхода – дверь почему-то не открывалась. Альтин тоже выхватил свой недлинный и лёгкий меч; однако появившийся через окно человек не собирался терять здесь время даром. Он вскинул руку, что-то вновь свистнуло, и обмершая Арьята услышала тяжкий стон. Королева медленно сползла вниз, цепляясь за дверь обеими руками.

На пути у убийцы оказался Альтин, принц замахнулся мечом, однако детский клинок его рассёк пустоту, а увернувшийся враг с хряском ударил мальчишку кулаком в горло. Принц беззвучно упал.

И, замерев, точно в столбняке, лишившись способности и двигаться, и кричать, крепко прижимая к себе вопящего от страха Трогвара, Арьята видела, как рука посланца смерти поднялась и опустилась ещё дважды. К двум телам на полу присоединились её младшие брат и сестра. Она осталась одна.

Убийца поспешно развернулся. Он не сделал ни одного лишнего движения, он не позволил себе пренебрежительно отнестись к женщинам и детям, посчитав их лёгкой добычей; он не стал тратить время на то, чтобы насладиться ужасом своих жертв, потешить слух их душераздирающими воплями и криками о пощаде. Держа в правой руке короткий и широкий нож, он просто прыгнул через всю комнату – прямо на замершую от ужаса девушку с надрывающимся младенцем на руках.

Арьята видела рванувшуюся к ней тощую фигуру, очень похожую на ядовитую песчаную гадюку. Обтянутое чёрным тело оторвалось от пола; принцесса же словно бы лишилась последних сил: она не могла ни двинуться, ни крикнуть. Лицо убийцы закрывала чёрная маска с крошечными прорезями для глаз; казалось, глаза эти принадлежат хищному бестелесному духу, выгнанному злой колдовской волей из тайного обиталища. Очертания тела убийцы почти сливались с окружающим мраком.

Ужас, какого Арьята ещё никогда не испытывала, острое ощущение конца... исчезнуть, исчезнуть, исчезнуть из этого кошмарного места, пусть они не увидят её, пусть её тело станет прозрачней воздуха, легче и неосязаемей ночного ветра!

За тот короткий миг, пока распластавшееся в длинном прыжке тело убийцы летело через комнату, принцесса ничего не смогла бы сделать – ни подобрать выпавший стилет, ни даже просто отскочить в сторону. Она просто очень хорошо вдруг представила, как из её безоружной руки навстречу врагу вытягивается прозрачный голубоватый клинок, по отполированной стали прокатываются мерцающие волны пламени, чёрное тело со всего размаху напарывается на выставленное остриё волшебного оружия – и, пронзённое, медленно валится на пол.

Что-то ярко сверкнуло – там, внизу, подле безвольно упавшей правой кисти Арьяты. Она зажмурилась, уже готовая встретить свой конец...

Спустя несколько длинных мгновений она услышала чуть слышный стук, точнее – мягкий удар, словно на пол бережно опустили тяжёлую ношу, для сохранности обёрнутую тряпьем. Гибельного удара, последней смертельной боли всё ещё не было, и глаза принцессы раскрылись сами собой.

Возле её ног лежало чьё-то тёмное тело. Пальцы правой руки убийцы всё ещё сжимали нож, широкий и короткий.

Боясь поверить увиденному, Арьята положила кричащего без умолку младенца, трясущимися руками высекла огонь... На полу лежал убийца в чёрном, и был он мёртв как камень.

На его спине, точно между лопаток, принцесса увидела недлинную прямую прорезь в одежде, словно бы оставленную клинком, насквозь пронзившим тело; ткань вокруг раны промокла от крови и потемнела ещё больше.

Арьята выпрямилась. Она знала, что вся её родня мертва, – наставница учила чувствовать Смерть. Убийца был настоящим мастером своего дела, и на каждую жертву ему потребовался только один удар.

Следовало также внимательно осмотреть тело страшного посланца, но принцессу затрясло от одной мысли о том, что придётся прикоснуться к этому трупу. От внушаемых им отвращения и ужаса она готова была с истошным воплем кинуться куда глаза глядят, прочь из ужасной комнаты, забыв обо всём...

Однако долго размышлять над тем, что же делать, ей не пришлось. Убийца пришёл в дом Гормли не один, и его собратья по ремеслу решили узнать, куда же запропастился их сотоварищ, посланный наверх с простым заданием: прикончить королеву и всех детей.

Они были опытны и осторожны, эти ночные мастера. Один из них не возвращался, и это означало, что пропавший встретился с чем-то непредвиденным. И потому остальные поднимались беззвучно, держа наготове оружие, – трое по лестнице, а ещё двое ловко карабкались по гладкой стене дома к раскрытому настежь окну той комнаты, где разыгралась кровавая драма.

Арьята видела и чувствовала их всех. Оцепенев, онемев, она стояла с Трогваром на руках, глядя прямо перед собой невидящим взором. Сейчас она уже не думала о смерти, она считала ступени, что осталось преодолеть мягко ступавшим ногам убийц. Она считала их про себя и в то же время твердила как заведённая:

– Они не увидят нас... Они не увидят нас... они не увидят...

Даже Трогвар неожиданно умолк, сосредоточенно уставившись снизу вверх на Арьяту странным, слишком серьёзным для младенца взором. И за миг до того, как одновременно в дверях и на подоконнике появились затянутые в чёрное фигуры, Арьята подобрала свой стилет, подняла правую руку с обнажённым клинком и тихо проговорила, точно маленькая девочка в детской игре:

– А я спряталась... а я спряталась...

И – замерла, обратилась в статую, даже, наверное, перестала дышать.

Дверь резко распахнулась, трое в чёрном ворвались внутрь; два стремительных гибких тела бесшумно перемахнули через подоконник. Первый, перешагнувший порог, ловко подпрыгнул, взмахнул коротким прямым мечом над притолокой – на случай, если там кто-то засел (створки открылись наружу, за открытой дверью

никто не смог бы спрятаться); двое других убийц тотчас же метнулись по углам чёрными быстрыми ужами. Тускло блестело оружие.

Спустя одно короткое мгновение страшные гости замерли в странных, напряжённых боевых позах – они ждали появления неведомого врага. Один из проникших через окно что-то коротко и гортанно вскрикнул, указывая на мёртвого сотоварища.

Не потрудившись притворить дверь, пятеро убийц быстро и ловко обшарили комнату сверху донизу – верно, в поисках тайного хода, которым сумели скрыться обе жертвы. Арьяту они словно бы и не видели.

Осторожно обойдя деловито снующие фигуры, принцесса медленно, шаг за шагом, двинулась к выходу. В тот миг она не задумывалась, отчего погиб тот, кто появился первым, почему остальные пятеро не обращают на неё ни малейшего внимания, хотя она проходит на расстоянии вытянутой руки от них. Она достигла порога и начала спускаться. Трогвар молча лежал у неё на руках.

На первом этаже она заглянула в ту комнату, где должен был остаться её отец. Дверь была не выломлена, но аккуратно снята с петель, вещи, сваленные в угол, – нетронуты. Внутри горела масляная лампа, и в её тусклом и неверном свете принцесса разглядела, что пол чист, на нём нет и следов крови.

По-прежнему двигаясь как во сне, Арьята бесстрашно подошла к тюкам и неспешно достала небольшой кожаный мешочек. Спрятала его за пазуху и пошла к выходу. Дом был пуст, её отец и старый Гормли бесследно исчезли.

За укрытый на груди Арьяты небольшой кожаный мешочек новые хозяева Халлана не пожалели бы никаких земель, титулов и золота, потому что лежавшие в нем три больших рубина и один необыкновенно чистый сияющий камень, которому так и не смогли найти подходящего названия, и были теми самыми Четырьмя Магическими Камнями Халлана, что сработал в незапамятные времена один знаменитый Маг, из Настоящих, из тех, что имели своим домом таинственный Замок Всех Древних на вершине Столпа Титанов. Камням приписывали самые необыкновенные волшебные свойства, они издавна украшали корону и скипетр Халлана; перед бегством отец Арьяты, рискуя жизнью, успел вырвать драгоценности из объятий мёртвого жёлтого металла оправ.

Говорили, что эти Камни способны на всё – даже исполнять любое желание владевшего ими. Последнее, конечно, было не более чем сказкой, но, по словам отца, Камни помогали обрести новые силы, поставить себе на службу – если ты колдун – целые рати волшебных существ из иных миров... Могли они и многое другое, но, увы, в магии этих камней сведущ был только один король, и для Арьяты они оставались лишь бесполезными красивыми игрушками. В лучшем случае она могла сохранить их до более счастливых времён.

Принцесса с Трогваром на руках вышла из дверей дома Гормли и, совершенно не скрываясь, медленно пошла по тёмному кривому проулку. Она по-прежнему оставалась в том же странном состоянии, на середине пути между сном и явью, ничего не боясь и твёрдо зная, что ей сейчас нужно делать.

Она не плакала. Каждый миг ужасной расправы с матерью, братьями и сестрой навечно врезался в память, каждый прозвучавший в те секунды стон точно ножом резал её слух – однако она не плакала. Глаза её оставались сухими, движения – плавными, точными, хотя и чуть замедленными. Трогвар же, точно понимая всё случившееся с ними, спокойно лежал на руках Арьяты и не отрываясь смотрел на неё своими странными серо-серебристыми глазами...

Принцесса словно читала невидимую книгу, в которой оказались чётко расписаны направления, приметы, дни пути, места удобных стоянок, родники, опасные болота, торговые пути, заставы халланских порубежников... Она не знала, откуда в её памяти возникли все эти сведения, и в тот момент вовсе не желала это знать. Она думала о том, как отомстит, и от мыслей этих пришел бы в ужас самый кровожадный палач.

Арьята шла по затаившемуся, замершему до рассвета ночному городу; принцессе казалось, что из-за каждой ставни в спину ей впиваются жадно-злобные взгляды. Она отстранённо подумала, что выследить её сейчас легче лёгкого, да и потом, наутро, тоже будет несложно – спрашивай у каждого встречного, не проходила ли здесь девушка с младенцем на руках. Кормилицы и няньки не бывают настолько юны, простолоюдинки её возраста не станут шататься с ребёнком по рынку в поисках пропитания: городская стража быстро выловит таких нищенок и отправит в работные дома. Арьята невольно вздрогнула: по настоянию матери эти дома учредил король, её отец, порядки в них заведены были довольно суровые – и кто же мог тогда подумать, что всё это обернётся против наследной принцессы Халлана?!

Позади неё в переулке, из дома Гормли, пятеро убийц брызнули в разные стороны бесшумными чёрными молниями – темнее ночи, непрогляднее мрака. Двое бросились в ту же сторону, что и принцесса, однако она даже не подумала об укрытии. Она знала – сейчас её не заметят... пока ещё не заметят. Погруженная в странное оцепенение, девушка не считала сейчас убийц опасностью и не задумывалась, почему же так происходит.

Двое в чёрном быстро и бесшумно промчались мимо Арьяты; со стороны они казались диковинными зверями-прыгунами, их движения совершенно не походили на бег обычного человека. Они словно распластывались над землёй, делая громадные прыжки по три-четыре сажени. Через несколько мгновений убийцы уже скрылись в темноте.

Принцесса тем временем дошла до угла широкой торговой улицы, по которой они всей семьёй ехали лишь несколько часов назад. Нефтяные факелы были уже погашены, однако в щели между ставнями на окнах трактиров и таверн пробивался багровый свет, подле входных дверей в подобные заведения толпились подгулявшие завсегдатаи. Арьята успела сделать лишь несколько шагов по брусчатке, как всё тело охватила быстрая холодная дрожь, и беглянка тотчас поняла, что спасшая её завеса невидимости исчезла. Прежде чем принцесса успела удивиться этому, тело её само по себе метнулось в глубокую, залитую мраком щель между двумя домами. Вся дрожа от ужаса, тотчас покрывшись холодным потом, Арьята вжималась в шершавую каменную стену, моля пресветлого Ямерта о спасении. Сверхчеловеческие силы, позволившие ей выжить несколько минут назад, покинули принцессу, она вновь стала обычной девушкой, только-только перешагнувшей рубеж совершеннолетия и лишь самую малость обученной настоящему колдовству. Тотчас же захныкал и Трогвар.

На глаза Арьяты навернулись слёзы, отчаяние вновь стиснуло душу... Казалось, что всё погибло, сейчас, вот сейчас рядом с ней возникнут чёрные беспощадные тени неведомых убийц, взметнутся и опустятся кинжалы... Она уже отчётливо видела собственную смерть.

«Но кто же тогда отомстит за маму, за братиков, за Айоту? – вдруг пришла неожиданная мысль. – Будь что будет, я не могу умереть сейчас! Клянусь мукой Нифльхеля, я останусь жива! Останусь жива... останусь жива...»

Как ни странно, это простое соображение подействовало. Арьята утерла слёзы и поспешила зажать рукой рот Трогвару: младенец подавал голос всё громче и

громче. Ощупью отыскивая себе дорогу, Арьята пробиралась в глубь приютившей её щели.

Она сделала лишь несколько шагов, когда пальцы наткнулись на гладкие доски высокой калитки. По ночному времени внутренняя щеколда была закрыта, однако принцесса, вспомнив кое-что из своих детских игр и тогдашних проказ, осторожно просунула в щель лезвие стилета и после нескольких неудачных попыток отодвинула запор. Калитка чуть слышно скрипнула, поворачиваясь на хорошо смазанных петлях, и отворилась.

«Наследница Халланского трона ночью шарит по дворам своих подданных в поисках прибежища! – мелькнула горькая мысль. – Превеликий Ямерт, до чего я дошла!..»

Она ожидала услышать ожесточённый собачий лай и готовилась в случае чего тотчас броситься наутёк, однако всё было тихо. По-прежнему двигаясь ощупью, она добралась до какого-то сарая и юркнула в приоткрытые створки широких ворот. Это оказался сенник; забравшись по приставной лестнице наверх, Арьята постаралась устроить Трогвара, прикрыть младенца ещё одним одеялом – и осторожно выскользнула из сарая с твёрдым намерением не возвращаться без молока.

Страх на время отступил. После кошмарной встречи с чёрными убийцами какая-то там рыночная стража уже совершенно не пугала девушку. Арьята покрепче сжала стилет и двинулась в обход дома.

Ей повезло – окно кухни оказалось открыто; а то, что это именно кухня, ясно было по запахам – несмотря на поздний час, там ещё что-то готовили. Принцесса услышала приглушённые женские голоса.

Всадив стилет в брёвна стены и подтянувшись, Арьята оказалась возле самого оконного проёма. Ожидая, пока так некстати оказавшиеся там не уберутся куда-нибудь, принцесса невольно стала прислушиваться к разговору; и стоило ей услышать первые несколько фраз, как она, вздрогнув всем телом, прижалась к толстым выпирающим брёвнам, стараясь и придвинуться поближе, чтобы не упустить ни звука, и в то же время остаться незамеченной. Говорили две женщины, и говорили об Арьяте.

– Значит, они упустили её, – жёстко выговаривая слова, произнёс низкий сильный голос. – Упустили, Фельве, упустили, не защищай их! Все они будут казнены. Ты знаешь закон. Девчонка и этот пискун – как его, Трогвар? – нужны нам любой ценой, пусть даже к утру весь Неллас будет лежать в руинах. Справишься ли ты с этим, моя милая Фельве, – в голосе слышалась холодная насмешка вкупе с презрением, – я спрашиваю тебя, ты справишься? Или мне послать на поиски моих койаров?

Что такое «койар», принцесса не знала.

– Я справлюсь, о великая, – ответил второй голос, помягче и не столь злобный. – Я справлюсь или отвечу по всей строгости уложений нашего Ордена. Но, великая, быть может, всё же отложить казнь моих людей? Я прошу дать им время – всего лишь до утра. Я присоединю к ним всех остальных и сама пойду с ними. Если же мы потерпим неудачу... значит, нам нечего делать в Ордене и вообще незачем тогда жить.

– Ты всегда умела красиво говорить, – по-прежнему жёстко и непреклонно ответил первый голос. – И это ты, кого я прочла в мои преемницы! Ты прекрасно знаешь, что приказы Чёрной Матери не отменяются. Мой вердикт вынесен, и его уже не изменишь. Что же касается тебя – если вы схватите принцессу Арьяту, ты займёшь в Ордене первое после меня место, и Круг провозгласит тебя моей наследницей. Если же вы потерпите неудачу... лучше бы тебе тогда лишний раз проштудировать карты Нижних Миров.

Фельве, обладательница более мягкого голоса, невольно ахнула. Очевидно, угроза неведомой повелительницы возымела действие.

– Все, хватит разговоров! – приказал первый голос. – Иди, Фельве. Иди и принеси мне этого младенца... меня занимает именно он. Принцесса, конечно, мне тоже очень нужна, но лишь в связи с Четырьмя Камнями Халлана. Вот Трогвар – другое дело... – уже тише и задумчивее закончила говорившая.

– Но эта Арьята смогла убить одного из моих посланцев, – неожиданно возразила Фельве. – Убила неведомым оружием, быть может, одним из Призрачных Мечей. Неужели способная на такое не пригодится Ордену?

– О чём ты, Фельве? – с раздражением проговорила повелительница. – Во имя Великой Тьмы, какой там Призрачный Меч у этой девчонки? Ты теряешь голову до срока. Погоди, ещё успеешь лишиться её, если не исполнишь моего приказа.

– Повинуюсь, о великая, – выдохнула Фельве, и до слуха Арьяты донеслись постепенно затихающие в отдалении шаги двух пар обутых во что-то мягкое ног. Неведомые собеседницы ушли из поварни.

В другое время Арьята бросилась бы бежать без оглядки, услышав такие речи. И сейчас – нельзя сказать, чтобы она встретила всё это без малейшего трепета. Напротив, душа у неё в буквальном смысле ушла в пятки, сердце колотилось так, что ей казалось – слышно во всём Нелласе. Она очень боялась, она не могла в одночасье стать безумно смелой и отважной. Она боялась, но что-то более сильное, чем страх, заставило её осторожно перевалиться через подоконник внутрь дома.

Она очутилась в просторной кухне явно богатого хозяина – с несколькими очагами, огромной плитой в самой середине и громадным широким дымоходом, распахнувшим над ней свой чёрный раструб. В одном из очагов горел огонь; вращавшийся сам собой на вертеле, жарился большой жирный гусь. За птицей никто не наблюдал, и это могло значить, что какой-нибудь поварёнок может появиться здесь в любую секунду. Арьяте следовало поторопиться.

Принцесса поспешно огляделась. На грубо сколоченном деревянном столе подле горящего очага она заметила высокую бутылку в тростниковой оплётке; наудачу схватила, поднесла горлышко к носу, понюхала – вином не пахло, решила попробовать – это действительно оказалось молоко, густое и тёплое.

Не в силах поверить сразу в такую удачу, Арьята быстро, как только могла, вылезла в окно – и вовремя, потому что за дверью кухни послышались шаги. На пороге появился тощий прыщенок в грязном белом колпаке и жалком подобии передника, угрюмо принявшийся поворачивать вертел, собирая капающий с птицы жир на специальный противень. Колпак поварёнка украшал вышитый герб: морской змей и каменный человек поддерживают щит с изображением копья, переломленного голый человеческой рукой.

От изумления принцесса даже помедлила, не сразу спрыгнув в спасительный мрак под стеной поварни, – обладатель этого герба был знаком ей слишком

хорошо. Правая рука её отца, благородный сэйрав до двадцатого колена, опора трона, воитель знаменитой халланской конницы – барон Вейтарн. Он имел дома во всех крупных городах королевства, ничего удивительного, что на одной из главных улиц Нелласа стояло подворье воителя, но что делают здесь две жуткие жены-воительницы?! Барон был единственным человеком, у кого Арьята могла бы попросить убежища и помощи – он единственный из всей знати не встал на сторону новых хозяев Халлана, однако собранные им полки опоздали к решительной битве из-за дождей и распутицы; видя, что силы слишком неравны, король решил не проливать кровь сограждан и скрылся. Сперва Арьята осуждала его за этот малодушный, как ей казалось, поступок, но теперь в душу девушки закрались самые чёрные подозрения – быть может, отец догадывался, что с Вейтарном не всё чисто, и не слишком доверял ему? Эта Фельве и её неведомая повелительница – вряд ли они расположились в доме барона без его ведома; а если захватили или получили как плату от новых владык королевства – вряд ли челядь продолжала бы носить гербы прежних хозяев. Нет, лучше пока не искать встречи с ним, даже если он сейчас здесь, в Нелласе...

Арьята пробралась обратно в сенник. Кое-как, с горем пополам накормила Трогвара; согревшись, младенец уснул. Принцесса осталась сидеть рядом с ним в мрачном раздумье – что делать дальше? Она решила, что разумнее всего сейчас не трогаться с места – пусть эти чёрные шарят себе по пустым улицам, вряд ли кому-то из них придет в голову искать её здесь, возле самого их лежбища.

Арьята попыталась отыскать другие возможности, кроме одного лишь поспешного бегства на заставу Барэя. Хотя путь туда она представляла очень хорошо, невольно возникали другие мысли: «Меркол – это же тупик... я останусь там на всю жизнь... жалкой приживалкой, которую кормят из милости... а то ещё силком выдадут замуж!» При этом принцесса даже вздрогнула.

«Погоди! Да погоди же! – прикрикнула она на себя, чувствуя подкатывающиеся предательские слёзы. – Думай! Ты должна отомстить. Но с Трогваром на руках... этого не сделаешь...»

Её память пыталась отыскать какой-нибудь выход; она вспоминала различные тайные Ордена, ещё гнездившиеся по дальним окраинам обитаемых земель. Но все известные ей Боевые Храмы, куда она при большом желании (и от полной безысходности) могла бы поступить ученицей, отличались каким-то изуверским характером, за что и преследовались всеми без исключения королями и

баронами Западного Хьёрварда. Присоединившись к ним, она сразу и навсегда лишилась бы свободы. Конечно, появиись здесь сейчас какой-нибудь принц... который мог бы помочь, да окажись он вдобавок ещё и волшебником... Арьята вздохнула. Этот выход был бы самым лучшим – но и самым недостижимым. Вряд ли какой-нибудь молодой сэйрав снизошёл бы до грязной нищенки с младенцем на руках, а если бы и снизошёл, то спокойно мог бы выдать её, прельстившись наградой, наверняка обещанной за головы членов королевской семьи. Благородное сословие Халлана отвернулось от своего повелителя, предпочтя ему новую Владычицу, и теперь Арьята не верила никому из них.

Хорошо было бы отыскать какого-нибудь странствующего волшебника и уговорить его помочь ей. Обучить её колдовству... и тогда она ещё покажет им всем! Найти волшебника было не так уж трудно – достаточно потолкаться по людным местам Нелласа месяц-другой, и ты непременно встретишь какого-нибудь чародея. Иное дело, что в запасе у Арьяты не было не только полутора месяцев, но и полутора часов.

И отчего-то она так и не задумалась, почему из всех многочисленных домов на длинной торговой улице она выбрала именно этот, как ей могло повезти настолько, что именно здесь расположились те, кто подослал убийц к её семье, что они оставили раскрытым окно, ведя свои тайные разговоры... Слишком большое число совпадений насторожило бы любого, но в этот момент оно показалось Арьяте совершенно естественным.

Она всё ещё угрюмо сидела подле мирно спящего младенца, когда во дворе раздались шаги. Принцесса сжалась, замерла, пальцы до боли впились в рукоять стилета. Кто-то бродил вокруг сеного сарая, бродил, тяжело волоча ноги; время от времени слышалось неразборчивое бормотание. Арьята чуть приободрилась – чёрные убийцы двигались бесшумно, подобно теням. Скорее всего кто-то из слуг... В их летнем замке слуги всегда совершали обходы по ночам... В замке... в замке... И тут Арьяту наконец осенило, появились проблески разгадки.

Конечно же! Замок! Красный замок! Цитадель свободного знания! Могучая крепость, пустая, ждущая только своего нового хозяина, чтобы воспрянуть вновь! Она даст Арьяте всё. Силы, могущество, власть, богатство. Обретя всё это, она обучится истинному колдовству, она станет Мастером Чародейства – и тогда она сможет достойно отплатить всем за случившееся. Она вернёт принадлежащий ей по праву трон Халлана, она предаст страшной казни предателей, она...

«Но ведь это – владения Тьмы, – вдруг подумала она, удивляясь собственному чрезмерному восторгу. – Я же изо всех сил пыталась отговорить отца, а теперь едва не скачу от радости, вспомнив о том, что можно бежать ещё и туда. Нет, нет, это же конец всему, я же стану прислужницей Зла, ещё более страшной, чем те ужасные женщины, пославшие тех, в чёрном, убить всю мою родню. Как я могу вообще думать об этом?!»

«Но ведь я в безвыходном положении, – пришло ей на ум, точно в ней спорили две совершенно разные Арьяты. – Я осталась одна, с младенцем, без средств, без друзей, без крова, без пищи... И если я хочу отомстить – надо обзавестись оружием. Если иного, кроме Красного замка, для меня не существует – нужно воспользоваться им. Да и откуда, собственно, я знаю, что Красный замок – непременно обитель Мрака? Я ведь слышала о нём одни лишь сплетни да сказки, толком никто ничего не знал, вот и плели разные небылицы... Надо увидеть всё собственными глазами. И дорога туда не из самых трудных – добыть плот да сплавиться вниз по Лайтону, благо до этой реки отсюда, самое большее, день пути...»

«Но это же конец!» – вырвался молчаливый, но отчаянный крик.

Испуганная принцесса только сейчас поняла, что кто-то невидимый, но очень сильный пытается проникнуть в её сознание, заставить отправиться в этот Красный замок; неужели всё происшедшее – дело рук старого Гормли, которому отчего-то позарез надо, чтобы в этом страшном Замке появился новый хозяин – или хотя бы хозяйка?!

Нет, нет, она не поддастся, она выдержит! Нужно бежать, бежать из города, как можно скорее, куда угодно, хоть на Меркол, – но не отдать душу Мраку! Ведь у неё вдобавок – Четыре Камня Халлана; наверняка на них уже давно точит зубы Тьма!

И стоило ей подумать об этом, как ворота сарая быстро и на удивление бесшумно распахнулись. В проём хлынул свет факелов, и быстрые, гибкие, молчаливые фигуры шагнули внутрь.

Нельзя сказать, что барону Вейтарну очень плохо жилось при прежнем короле. Его богатства, слава и влияние росли с каждым годом, его сыновья получали высокие посты при дворе, жена стала первой дамой королевы, и всё же он был недоволен. Он не умел отвешивать вежливые поклоны, предпочитая простые и крепкие мужские рукопожатия. Древностью рода, знатностью, доблестью – он ничем не уступал тем, кто волею судеб оказался заброшен на Халланский трон. И очень простой вопрос – почему они, а не я? – засел в голове у барона настолько крепко, что мало-помалу лишил достойного предводителя халланской конницы и сна, и спокойствия. Он бредил властью. Каждую ночь, если только удавалось заснуть, барону грезился королевский пурпур в его гербе, склоняющийся в поклоне двор и другие сэйравы страны – сильные, храбрые, но покорные его воле. Он не мог отделаться от этого наваждения. Оно владело всем его существом, и теперь ему оставалось либо погибнуть в погоне за этим призраком собственного королевства, либо перестать быть самим собой, бароном Вейтарном. Смертельно устав от постоянной внутренней борьбы, барон бросался в сражение очертя голову, стремясь забыться в кровавой сече. Он заслужил славу неуязвимого; его отчаянные конные атаки не раз и не два приносили победу повелителю Халлана, но никто не знал, что причиной этих побед была именно глубокая, застарелая ненависть барона к тому, кто считал Вейтарна своим ближайшим сподвижником.

Когда переворот созрел, к барону пришли главари заговорщиков. Они были не настолько глупы, чтобы обманывать, и предложили честную сделку – Вейтарн опаздывает к месту решительного сражения, взамен получая всё необходимое для того, чтобы без помех захватить власть в богатых областях Южного Загорья, в прекрасных, плодородных землях вокруг громадного внутреннего озера Нуар. Барону была обещана помощь колдовством, и он получил её. Гонец только что доставил донесение – посланный отряд разведчиков благополучно произвел рекогносцировку. Пора было трогаться всей собранной бароном силе.

Однако сейчас барон в одиночестве сидел в верхнем покое своего роскошного дома в Нелласе и мрачно прихлебывал дорогое вино, почти не ощущая тонкого вкуса рубинового напитка. За его женой только что закрылась дверь. В ушах хозяина ещё звенели отзвуки гневного голоса баронессы:

«Ты предатель, барон Вейтарн. Всемогущий Ямерт, тот, кому я родила таких сыновей, кого я без памяти любила всю жизнь, – всего лишь гнусный предатель! Тебе нет прощения, барон. И не думай, что я когда-нибудь забуду это. Всё, всё,

что было у нас, – всё ты погубил. Ты властен над моей жизнью – но я отныне не жена тебе!»

Супруга барона Вейтарна оказалась чуть ли не единственной дамой благородного происхождения, сохранившей верность низвергнутому королевскому дому Халлана. Барон знал, что всё услышанное им только что – не пустые слова. И он понимал также, что идти оправдываться уже бессмысленно.

Высокий, но погрузневший к сорока годам, с седыми волосами и недлинными густыми усами, с красноватым лицом, рассечённым несколькими уродливыми шрамами, барон никогда не слыл красавцем и сердцеедом. Он хранил верность однажды выбранной супруге, являя собой полную противоположность прочим благородным сэйравам. Жена значила для него очень много – она догадывалась о губительной страсти, пожиравшей её супруга, пыталась как-то облегчить его мысли; она была той, кому он мог сказать всё – и всегда встречал понимание. И сейчас барон, как и всякий хороший военачальник, не умевший лгать себе, понимал, что жена сказала ему истинную правду: он гнусный предатель, и совесть теперь не оставит его в покое. Барон помрачнел ещё больше, опорожнив кубок одним большим глотком. Вейтарну казалось, что в покоях невыносимо душно и жарко, он подошел к окну, рывком распахнул ставни, едва не сорвав их с петель. В разгорячённое лицо толкнулись прохладные струи ночного ветра; стало как будто чуть полегче, барон перегнулся через подоконник, рассеянно скользя невидящим взором по тёмным окрестным домам.

По ведущей от Южных ворот к Рыночной площади улице Орхидей, на которой стоял дом барона, лениво тащилась ночная стража. Шли они вразвалку, плохо притороченное оружие гремело и лязгало, слышались громкие разговоры вперемешку со взрывами грубого хохота, когда кто-то из ратников отпускал плоскую шутку. Начальник всё же погнал их в обход, и теперь они брели, освещая себе дорогу нефтяными факелами, думая, однако, не о сбережении вверенного в эту ночь их заботам города, а лишь о том, где бы добыть выпивки побольше и подешевле. Барона передёрнуло от гнева – этот сброд не имел права даже называться воинами. Следовало сейчас же спуститься и выдать им по первое число!

Ночной патруль поравнялся с боковой калиткой его дома, когда из сенного сарая внезапно раздался отчаянный тонкий вскрик, полный такого ужаса и боли, что даже привычный ко всему барон содрогнулся. Спустя ещё мгновение из сарая донёсся ни с чем не сравнимый звон столкнувшихся клинков. И ещё – тотчас

заплакал ребёнок.

Барон не раздумывал ни секунды, радуясь возможности отвлечься от чёрных мыслей. Его верный боевой топор, как обычно, лежал рядом; Вейтарн прыгнул из окна высокого второго этажа прямо вниз, на оставшийся не разгруженным с вечера воз сена.

Ночная стража, верно, тоже услышала крик и лязг оружия; двое стражников посмелее первыми шагнули к калитке, освещая себе дорогу факелами. Ещё трое их товарищей двинулись следом, выставив длинные копья.

Вейтарн проворно выбрался из рассыпавшегося вороха сухой травы; барон двигался с необычной для своего грузного тела ловкостью. Один прыжок – и он оказался подле распахнутых ворот сарая.

Мимо Вейтарна к калитке метнулась чёрная тень человека, метнулась с такой быстротой, что топор барона лишь понапрасну рассёк воздух. Вломившийся с улицы стражник даже не успел поднять меч для защиты: чёрная тень сделала лишь одно неуловимое, молниеносное движение – и, крутясь вокруг себя, словно детский волчок, воин отлетел в сторону. В калитку уже просунулись три копейных наверхия, и человек в чёрном – а может, ночной дух? – резко дёрнулся в сторону, уцепился за край забора и мигом перемахнул на другую сторону, тотчас растворившись во мраке.

Опешив, барон несколько мгновений смотрел вслед исчезнувшему ночному гостю; с улицы донеслись заполoshные крики стражников, но Вейтарн уже понимал, что с таким противником этим рыночным дозорным не совладать. Хорошо ещё, если они сами останутся живы после такой охоты...

Он ворвался внутрь сеного сарая. Там валялось несколько факелов, и от их пламени уже начинало заниматься сухое сено. На утопанном полу лежала приставная лестница. А там, наверху, взхлёб плакал ребёнок.

Барон затоптал огонь, приставил обратно лестницу, поднялся по перекладинам; на сене лежал младенец, заботливо завёрнутый в простое одеяло, рядом валялась большая бутылка в тростниковой оплётке. Вейтарн неожиданно припомнил: точно такая же должна была стоять в его поварской.

Кроме плачущего ребёнка, здесь никого больше не было, однако наметанный глаз барона заметил свежие бурые пятна на кипах сена. Здесь только что пролилась кровь. Вдобавок, подняв глаза, он увидел, что крыша разворочена, между стропил зияла большая дыра, достаточная для того, чтобы через неё протиснулся нетолстый человек. В полном недоумении от увиденного барон поспешил спуститься. Младенца он держал на руках.

Вейтарн вышел из сарая. Во имя могучего Ямбрена, где же эта ленивая ночная стража? Куда они провалились?

Двор, однако, был пуст и тёмн, улица тоже, нигде никаких следов стражников, даже голосов не слышно. Постояв в недоумении некоторое время, барон вернулся в дом. Ребёнка он неумело придерживал левой рукой, сжимая боевой топор в правой.

Чтобы войти внутрь, пришлось разбудить дворецкого – вся челядь уже давно спала, кроме поваров, готовивших что-то на кухне. Не встретив ни одной живой души, Вейтарн поднялся наверх. Проходя мимо покоев баронессы, он заметил пробивавшуюся из-под двери слабую полоску света. Его жена не спала, жгла лучину. Поколебавшись некоторое время, барон пересилил себя и постучал.

Ответа не последовало. Он постучал снова, уже громче.

– Оливия! Оливия, открой, мне надо кое-что тебе показать! – быстро произнёс он сердитым шёпотом. Не хватало только сейчас начать объясняться с женой!

– Я слушаю тебя, барон Вейтарн, – холодно ответили из-за двери.

– Оливия, я... – Он растерялся. – Оливия, тут в сарае... ребёнок!

– Что? – Дверь открылась. – Где ты его взял? Разве так его держат? Дай немедленно сюда! Как это случилось?

Барон коротко рассказал.

– О милосердная Ялини, вразуми нас, – вздохнула Оливия.

– Смотри молчи об этом, – сумрачно проговорил Вейтарн. – Дворецкому я заткну глотку. Я не хочу, чтобы узнали... ну, эти две... – Он осёкся, отворачиваясь, чтобы жена не заметила краски стыда на его щеках.

– От меня они никогда ничего не узнают, – отозвалась баронесса, ловко распелёнывая малыша.

Барон в некоторой растерянности топтался у дверей – он чувствовал, что этот ребёнок может помочь ему помириться с Оливией и...

– Всесильный Творец, – вдруг охнула Оливия и почти упала на лавку. – Посмотри сюда, Вейтарн, посмотри, ради всего святого!

Барон, осторожно ступая, подошёл к столу и нагнулся над ребёнком. Он наклонялся всё ниже и ниже, а потом, внезапно обмякнув, сел на пол и обхватил голову руками. Из горла у него вырвалось глухое рыдание.

– Именно так, – сухим и беспощадным голосом произнесла Оливия. – Это принц Трогвар. Наследственный знак на теле – он вот-вот исчезнет, виден, наверное, последние дни... Ну, и что ты теперь станешь делать, доблестный барон, столь верно служивший законному правителю Халлана? – Она дрожала от ярости. – Если ты не знаешь сам, я скажу тебе, – продолжала она, видя, что Вейтарн не отвечает. – Мы должны вырастить его. Воспитать как принца. И если ты ещё не забыл, что барон Вейтарн слыл честнейшим и благороднейшим из всех сэйравов королевства, ты послушаешься меня.

– Но здесь... но у нас же... – простонал барон, по-прежнему держась за голову обеими руками.

– Эти демоны в женском обличье, которых так ценят твои дружки по заговору? – презрительно усмехнулась Оливия. – Не беспокойся. Я всё устрою. Мне нужно только золото.

– Сколько угодно! – возопил барон, радуясь забрезжившей возможности помириться с супругой и хоть как-то смягчить укоры совести.

Не прошло и минуты, как он вернулся с двумя увесистыми кожаными кошельками. Оливия тем временем набросила на плечи тёмно-серый плотный плащ и разбудила слугу. Баронесса поспешно перепеленала ребёнка, спрятала принесённые бароном кошельки в складках просторного плаща и шагнула к двери.

– Не следи за мной, – сурово молвила она, видя движение барона. – Со мной ничего не случится. От нежелательных встреч меня защитит Гар.

Услыхав своё имя, дремавший вполглаза Гар пошевелился в своем углу, где и сидел всё это время. Выпрямившись, великан упёрся головой в притолоку.

– Госпожа? – рыкнул он вопросительно.

– Собирайся, проводишь меня, – распорядилась баронесса.

Радостно ослабившись, Гар принялся навьючивать на себя своё многочисленное вооружение. Он происходил из рода горных великанов, дикого, мрачного и озлобленного племени. Вейтарн подобрал его совсем маленьким и подарил жене, а та сумела вырастить из дикого, точно волчонка, малыша отличного бойца и преданного, как пёс, слугу. Умом Гар не отличался, зато в рукопашной с ним мало кто мог сравниться.

– Оставайся тут и сделай так, чтобы эти две дьяволицы ничего не унюхали! – приказала мужу Оливия и, сделав знак Гару, исчезла за дверьми. Великан последовал за ней, что-то одобрительно ворча, – он любил ночные прогулки.

Барон остался один. Возражать сейчас жене не имело смысла: в гневе она способна была на всё, а он, Вейтарн, слишком любил её, чтобы окончательно потерять из-за собственной глупости.

Бережно прижимая к себе Трогвара, Оливия быстро шла пустынными ночными улицами. Гар топал справа и чуть сзади, высоко держа факел. Супруга барона Вейтарна хорошо знала дорогу, её путь лежал в торговую часть города.

Они миновали Рыночную площадь, уже тщательно выскобленную до блеска десятками рабов-метельщиков; оставили позади известный всему городу

лупанар, не встретив, по счастью, ни одной из его обитательниц; прошли мимо магистрата; завернули в переулок Перевернутых Горшков; быстро перебежали через широкую улицу Королевского Коня – единственную из всех городских улиц, что освещалась всю ночь. Этим путём на громадном чёрном жеребце в Неллас вступил прадед свергнутого короля, освободив город от бесчинствующих варваров...

Что-то дважды свистнуло в воздухе за спиной у баронессы.

– Госпожа! – дико взревел Гар, закрывая её собой и высоко поднимая длинный двуручный меч, величиной почти в рост взрослого мужчины. От скрытого под одеждой великана панциря отскочили ещё два арбалетных болта.

Из темноты неслышными призраками выступили четверо. Они допустили ошибку, слишком понадеявшись на стрелы; однако их жертвы были окружены, все пути бегства – отрезаны. Оставалось лишь получше прицелиться и попасть великану в горло.

Скрючившись в глубокой нише, Гар глухо рычал, стараясь как можно лучше закрыть госпожу собой. Великан ничего не смыслил в повседневной жизни людей, зато бойцом он был отменным и сейчас прекрасно понимал, что неподвижно глазеть на врагов нечего. За ноги и горло он мог не опасаться – их закрывала мягкая кольчуга, сотканная из тысяч и тысяч мелких колец. Её сплели специально для него горные гномы по заказу барона Вейтарна, и благородному сэйраву она обошлась в целое состояние. Единственным уязвимым местом у гиганта оставались только глаза.

Трогвар захныкал, и его плач заставил Оливию тотчас забыть собственный страх. Её глаза вспыхнули, точно у дикой кошки, из-под складок плаща появился короткий кинжал с толстым у основания клинком. С неженской силой Оливия всадила оружие в узкую щель между камнями, выдернула и снова ударила, потом ещё раз и ещё... Мало-помалу щель стала расширяться.

– Гар! Выбей этот камень! – тяжело дыша, приказала баронесса своему верному слуге.

Напавшие на них люди продолжали пытаться поразить великана арбалетными дротиками.

– Госпожа уходит, – одобрительно прорычал Гар, взглянув на камень стены, вокруг которого Оливия сумела расчистить глубокие щели, выскребая из них кинжалом плохо застывший раствор. Великан осторожно повернулся спиной к стрелкам и, прежде чем они сумели воспользоваться выгодным для них моментом, одним мощным ударом ноги выбил камень из стены.

Оливия не ошиблась – за стеной лежал обширный сад; теперь женщина проскользнула в узкое отверстие лаза.

– Госпожа уходит! – теперь уже повелительно рыкнул Гар, мотнув круглой головой в сторону дыры. – Мои следят тут.

Баронесса взглянула в глаза своему преданному воину, сжала его могучую руку – и исчезла в образовавшемся проломе. Оставалось лишь надеяться, что чёрные стрелки ничего не заметили.

Гар, умница Гар, остался сидеть, как сидел, делая вид, что по-прежнему закрывает собой прячущуюся за его спиной женщину с младенцем, и лишь глухо проворчал что-то себе под нос – может, чувствуя конец, прощался с жизнью, пусть даже и подневольной.

Арбалетные болты по-прежнему один за другим ломались о доспехи великана; удача пока не сопутствовала напавшим, но долго так продолжаться не могло. Скорчившись, Гар мог просидеть в нише до самого утра, а убийцы очень, очень спешили.

У воинов в чёрном имелся и предводитель, для которого цена этой ночи также была куда как высока; в тишине раздался резкий крик Фельве:

– Они бегут! Сюда, ко мне, через стену!

Четверо арбалетчиков бросили попусту метать стрелы. Не обращая более внимания на приподнявшегося с колен великана, они метнулись к стене. Звякнули заброшенные на край железные крючья; перекинув свои боевые устройства за спину, убийцы полезли вверх.

Однако они слишком рано забыли о Гаре. Охотясь в своих диких краях на чутких горных козлов, великаны умеют красться бесшумнее кошки; Гар ни в чём не уступал своим сородичам. Один из чёрных убийц уже почти добрался до верха стены, когда снизу ударил длинный двуручный меч. Красным тёплым дождем из перебитых жил сверху брызнула кровь, и человек со стоном сорвался вниз. Тело с глухим звуком ударилось о камни.

Трое остальных воинов заметили гибель товарища. Уже стоя на гребне стены, один из этой троицы разрядил свой арбалет в бросившегося к нему Гара. Короткий чёрный болт ворвался в узкую прорезь шлема; зажав рукой левую половину смотровой щели, Гар глухо взревел от боли – однако не остановился.

Стоявший на стене воин оказался слишком самоуверен. Прежде чем он успел перезарядить свой арбалет, великан уже подобрал здоровенный кусок гранитной плиты; арбалетчик презрительно легко уклонился от летящего в него обломка и не заметил длинную руку Гара – протянувшись вдоль стены, она вцепилась в лодыжку воина. Раздался короткий вскрик; воин сорвался вниз, и его кости затрещали под тяжелыми сапогами великана. Хряск, стон – и всё было кончено.

Однако двое оставшихся убийц успели перемахнуть через стену.

На Гара было страшно смотреть. Из-под шлема текла кровь, великан вырвал арбалетный болт из раны и в ярости молотил окровавленными кулаками по глухой стене, за которой сейчас убивали его госпожу, а он ничем не мог помочь ей! Из глотки Гара вырвался жуткий не то рёв, не то стон – так, наверное, огнедышащий дракон мог бы оплакивать погибшего детеныша...

Великан всем телом бросился на стену, отскочил, кинулся вновь, не чувствуя боли; от его хриплого воя кровь леденела в жилах, и обитатели окрестных домов, трясаясь от страха, спешили придвинуть к окнам и дверям что-нибудь потяжелее. После третьего удара между камней появились первые трещины. Непрочная кладка поддавалась.

* * *

Задыхаясь, Оливия из последних сил бежала по тёмному саду. Он принадлежал городскому голове, супруга барона Вейтарна не раз бывала здесь и знала каждый изгиб здешних тропинок – впрочем, как и её преследователи. Уже не слишком молодая, чуть огрузневшая женщина не могла долго соперничать в быстроте с гнавшимися за ней. Дважды её выручало неожиданное чувство опасности, когда ей удавалось затаиться в самую последнюю секунду, и убийца пробежал мимо. Ночь была тёмной, луну скрывали тучи, Оливия с трудом могла видеть собственную вытянутую руку; но охотящиеся за ней, похоже, обладали глазами получше кошачьих и не менее острым нюхом – жертве не удавалось спрятаться. Несмотря на мрак, её тотчас находили.

Баронессе уже отказывались повиноваться ноги, ветви в кровь исхлестали ей лицо, из глаз градом катились слёзы, раскрытый рот судорожно хватал ночной воздух... Горькое отчаяние пожирало силы, ещё немного – и она, лишившись воли к борьбе, покорно отдаст себя в руки неотвратимого...

Едва различимая в темноте тропинка сделала крутой поворот. Шестое чувство вновь заставило Оливию замереть, укрывшись в густых ветвях разросшейся сирени. Чуть впереди послышался еле различимый звук – кто-то крался навстречу. Оливия не сомневалась: впереди её тоже ждал враг. Кольцо сомкнулось, ей уже не спастись.

И тогда она решилась.

Давным-давно, в молодости, Оливии тоже пришлось немного обучаться колдовству. Кое-что ещё сохранилось в памяти, и сейчас она пыталась вспомнить самое страшное, самое тайное заклинание из тех, что передала ей наставница, – заклятье, что могло вызвать помощь из Тьмы. Из настоящей, истинной Тьмы, где правил, согласно шёпотом передающимся из уст в уста рассказам, великий Бог Ракот, Ракот Восставший, что стремился уподобить самих смертных людей бессмертным богам...

К Оливии приближались уже с трёх сторон. Времени оставалось совсем немного, и женщина в страшной спешке лихорадочно шептала заветные слова. По щекам стекали солёные слёзы, попадая на язык.

Она звала. Не тех, кто прикрывается именем Тьмы и творит великий разбой, но истинных её слуг! Пусть они придут, пусть они не оставят Оливию в её

смертельный час!

«Всемогущий Владыка Ночи, говорят, ты равнодушен к людским скорбям, не в пример тем, кого именуют Молодыми Богами! Спаси от гибели этого младенца, принца Трогвара, и сделай так, чтобы он отомстил за всё, что случилось здесь, в Халлане! Пусть он вырастет великим воином и правителем! Сделай так, о Сильномогучий, ведь я сама отдаю себя в твою власть!»

Внезапный порыв ветра пронёсся по вершинам деревьев, кроны сердито зашумели; и в этих звуках замершая Оливия читала, словно в книге, волю ответившего ей Хозяина Тьмы:

«Я помогу тебе, смертная!»

С тихим вздохом облегчения супруга барона Вейтарна опустилась на землю. Глаза Оливии закрылись, голова склонилась набок – казалось, она просто дремлет, устав от повседневной женской работы. Руки её по-прежнему крепко прижимали Трогвара к груди.

Три фигуры в чёрном одновременно оказались около неё. Одна из них, чуть ниже и стройнее двух других, властно нагнулась над лежащей женщиной. Грубые руки в чёрных перчатках попытались вырвать младенца из объятий Оливии.

В нескольких шагах от этого места земля неожиданно вспучилась и лопнула, точно нарыв. Из раскрывшегося хода показалась приплюснутая рачья голова – только «рак» этот размером был с добрую корову. Большие жёлтые глаза на длинных стебельках, однако, смотрели со странной разумностью.

Вслед за головой появились две огромные клешни, за ними – гибкое многосуставчатое тело с восемью ногами... Тварь не таилась, но три фигуры в чёрном сперва как будто бы ничего не заметили.

Впрочем, это длилось недолго. Одного из воинов в чёрном словно ударило хлыстом – он резко развернулся, взмывая в воздух; рука метнула навстречу странной, пугающей тени сразу несколько стальных звёздочек с острыми краями; откуда-то из складок одежды появился короткий прямой меч.

Правая клешня рака играючи отбила все три летевшие в него звёздочки, они не оставили даже царапины на прочной броне существа. Взмах второй клешни – и выхваченный меч отлетел в сторону, мощный хвост неожиданно разогнулся подобно пружине, сбив с ног незадачливого слугу Фельве.

– Назад! – Резкий крик той остановил второго воина, уже приготовившегося к прыжку. – Уходим, он неуязвим! – В голосе кричавшей слышался неподдельный страх: очевидно, появившееся из-под земли существо было ей знакомо.

Громадная клешня клацнула над самым плечом Фельве. Она уклонилась в последнюю секунду, однако её спутник оказался менее удачлив – он рухнул на землю с отрезанной головой. Неуклюжее на первый взгляд чудовище двигалось с поразительной быстротой.

Между деревьев и кустов словно бы метнулась невидимая простым глазом чёрная молния. Петляя, Фельве опрометью мчалась к воротам сада.

Однако ей сейчас противостояло существо куда сильнее, хитрее и выносливее человека, существо, специально созданное в тёмных мастерских Владыки Ночи с таким расчётом, чтобы взять верх над самыми сильными, самыми храбрыми и ловкими бойцами. Тварь не отставала ни на шаг, длинные многосуставчатые ноги чуть слышно шелестели, сливаясь в стремительном беге, и расстояние неуклонно сокращалось. Все попытки Фельве сбить со следа слугу Ракота ни к чему не привели.

Посланец Тьмы настиг свою жертву уже у самых ворот сада. Незаметно обогнав её, чудовищное создание внезапно преградило путь Фельве, удар мощной клешни отбросил женщину к стволу толстого дуба. Спустя миг страшные края клешней уже сошлись на горле воительницы.

– Ребёнка! – смешным писклявым голосом потребовало чудовище.

Фельве лишь плотнее вжалась в кору дерева, её глаза расширились от ужаса, по лицу струился пот. Собрав всё своё мужество, она нашла в себе силы отрицательно покачать головой.

На морде твари невозможно было ничего прочесть, жёлтые глаза на длинных стебельках смотрели пристально и равнодушно. Клешни несколько сошлись,

Фельве ощутила, как по шее потекла тёплая и липкая кровь. Содрогнувшись во внезапном приступе отвращения, она рывком протянула младенца вперёд.

– Хорошо, – пропищал удивительный посланец. Его длинная клешня осторожно и очень бережно взяла свёрток. Жёлтый глаз на длинном стебле придвинулся к самому лицу Трогвара – и малыш тотчас перестал плакать. Повернувшись, слуга Ракота бесшумно скрылся в зарослях. Фельве же, всхлипнув, обессиленно сползла вниз, упираясь спиной в ствол и закрыв лицо руками. Задание Чёрной Матери не выполнено. Ей, Фельве, оставалось только покончить с собой.

Оливия полулежала на том самом месте, где разыгралась кровавая схватка. Два воина в чёрном были мертвы, и она сама тоже умирала, явственно чувствуя, как жизненные силы покидают тело. Рядом, прислонившись к дереву, сидел израненный Гар. Он нашел хозяйку, но лишь затем, чтобы увидеть её конец. Великан плакал. Слезы, мешаясь с кровью, стекали по его лицу и падали с подбородка багровыми каплями. Уход отнюдь не страшил баронессу – она словно бы погружалась в завораживающе прекрасные глубины призрачного моря, удивительные существа всплывали из бездны навстречу ей, приветствуя её появление, и видела она перед собой не жуткое страшилище Черных Миров, а немолодого высокого человека с приятным, чуть морщинистым лицом и спокойными серыми глазами. На руках пришелец держал Трогвара.

«Твоя просьба исполнена, смертная, – зазвучал в сознании Оливии низкий, густой бас. – Вот принц Трогвар! Скажи теперь, что с ним делать, ибо время твоё истекает».

Слабо шевельнувшись губами Оливия назвала нужное имя. Правая рука откинула полу плаща, показав пришельцу тяжёлые кошельки с золотом.

«Исполню всё, – услышала женщина. – Слово Тьмы нерушимо. Покойся с миром».

Исполнив долг, Оливия тихонько вздохнула, и воды призрачного моря сомкнулись над её головой. Жизнью заплатив за помощь Владыки Подземного Мира, баронесса уходила с лёгким сердцем. Предательство мужа было искуплено.

Глава IV

Посланное Ракотом чудовище, постояв несколько мгновений над телом Оливии – словно отдавая ей последние молчаливые почести, – повернулось и бесшумно заскользило между деревьями. Оно торопилось. Луна клонилась к горизонту, восток уже начал светлеть; у посланца Тьмы оставалось очень мало времени.

Первые торговцы, разносчики, грузчики и пекари уже вылезали из своих постелей, когда воин Ракота добрался до малоприметного дома подле самой городской стены Нелласа. Вид строения выдавал знатность рода его обитателей, но и в то же время – их нынешнюю бедность. Гордый герб на фронтоне совсем облупился, став почти неразличимым, ступени высокого крыльца выкрошились, штукатурка обвалилась, обнажив во многих местах каменную кладку. Когда-то большие окна были застеклены только в первом этаже, на втором же в ход пошёл бычий пузырь.

Въезд во двор закрывали покосившиеся ворота, краска на них почти полностью слезла, проржавевшие петли едва держались. После мгновенного раздумья существо закинуло клешню на верх ворот и ловко перевалило внутрь дома. Суматошно взвыли спущенные на ночь с цепей собаки, но лишь одна, старая охотничья сука с острыми ушами и закрученным в кольцо хвостом, решилась броситься на незваного гостя. Однако тот не сделал ни одной попытки защититься. Жёлтое око на внезапно удлинившемся стебле глянуло прямо в глаза собаке, из глотки страшилища вырвалось хриплое взлаивание, и псы тотчас успокоились. Слуга Восставшего осторожно приблизился к задней двери дома и деликатно постучал.

Довольно долго никакого ответа не было. Посланец Тьмы терпеливо ждал. Наконец внутри раздалось медлительное шарканье, и старческий голос весьма нелюбезно осведомился, кого там носит в неурочный час.

– Принц Трогвар и золото от Оливии, баронессы Вейтарн, – последовал ответ, данный уже не писклявым голосом, а хорошо поставленным низким баритоном. Очертания рака подернулись серой дымкой, а когда несколько мгновений спустя она рассеялась, на пороге стоял высокий, одетый во всё чёрное мужчина с внушающим доверие резким загорелым лицом.

– Что?!

Дверь тотчас распахнулась. В тёмном проёме появился седой как лунь старик со свечой в руке, ещё сохранивший гордую, прямую осанку родовитого сэйрава. На костлявых плечах болтался изрядно потрёпанный, но чистый халат, за пояс был заткнут древний кинжал в потёртых ножнах. Даже сейчас истинно благородный хозяин не мог обойтись без оружия.

– Кто ты, посланец? – Он поднял свечу, пристально вглядываясь в лицо гостя.

– Я не тот, кого ты видишь сейчас перед собой, почтенный Эммель-Зораг, – последовал ответ. – От тебя скрывать это нет смысла. Но не принуждай меня показываться в своем истинном облике!.. У меня к тебе срочное дело. И миссия моя оплачена самой дорогой ценой, какую только может заплатить смертный. Собери своё мужество и выслушай меня до конца.

– Кто ты, посланец? – дрогнувшим голосом вновь спросил старик. Державшая свечу рука ещё ближе придвинулась к лицу незнакомца.

Неожиданно тот отдернулся с тонким, пронзительным вскриком, перешедшим в гневное шипение.

– Свет вреден мне, – с глухой яростью в голосе произнес слуга Тёмного Владыки. – Слушай же меня, Эммель-Зораг! Ты воспитаешь принца Трогвара в неведении о его истинном происхождении. Когда ему исполнится семь, ты отправишь его в Школу Меча, что в Дем Биннори. Золота в этих кошелях хватит на всё – равно как и на то, чтобы род твой вырвался из тенет бедности...

На этом месте речь посланца прервал яростный возглас старика.

– Ты из Тьмы! – прошипел он, глаза его гневно сощурились. – Ты осмелился явиться сюда – да ещё с мерзким гомункулусом в образе моего принца Трогвара! Убирайся, думаешь, у меня нет на тебя управы? – Левая рука старика поднялась, он вскинул голову, словно готовясь произнести какое-то заклинание.

– Проклятие! – вырвалось у посланца. Тело его вновь заволокло серой мглой, контуры расплылись, спустя мгновение на крыльце опять сухо шелестели спинные чешуйки громадного земляного рака. В страшных клешнях покоился небольшой, слабо попискивающий свёрток.

При виде настоящего облика посланца Тьмы старик тоненько вскрикнул от ужаса; однако, несмотря ни на что, он с отчаянием замахнулся своим кинжалом, целясь в один из жёлтых глаз чудовища.

Темно-коричневая клешня с лёгкостью отразила этот выпад, несмотря на то, что в движении старика чувствовались и выучка, и долгий опыт – удар оказался стремительным и неожиданным. Клинок зазвенел по каменным ступеням. Внезапно ловким движением клешни развернули одеяло, в которое был закутан младенец.

– Смотри! – раздался высокий свистящий звук. – Вот знаки королевского достоинства! Ты сомневаешься? Но ты же чародей, хоть и забросивший Искусство! Ты легко отличишь живого младенца от гомункулуса! Проверь, но торопись! Времени совсем не осталось! – Свободная клешня указала на светлеющий всё больше и больше восточный край небосклона.

Вокруг бёдер ребёнка причудливым поясом тянулся сплошной узор из переплетающихся цветов и стеблей, постепенно переходящих в мечи и копья. Широкая лента вколотого под кожу рисунка слабо светилась всеми цветами радуги; королевский герб Халлана, словно замок, соединял узор на животе подобно пряжке пояса. Под взором старика все до единой линии вспыхнули – и медленно угасли, полностью исчезнув. Взгляду Эммель-Зорага предстала чистая белая кожа младенца.

Старик шумно вздохнул и трясущейся рукой вытер проступивший пот.

– Положи его высочество на ступени, – не слишком уверенно произнёс он. – Кошелек оставь рядом. А потом – сгинь, исчезни и никогда не возвращайся сюда!

Слуга Тёмного Владыки в точности исполнил то, что от него потребовали.

– Сейчас я, конечно, исчезну, – произнёс он на прощание. – Но я вернусь, если таков будет приказ моего Повелителя. И не тебе пугать меня своим колдовством! Но смотри же, исполни в точности, что было сказано тебе!

– Постой! – вдруг воскликнул Эммель-Зораг, весь подавшись вперёд и в волнении стискивая руки перед грудью. – А что вообще произошло? Откуда здесь принц

Трогвар? Что с баронессой?

– Баронесса Оливия мертва, – последовал бесстрастный ответ. Старик коротко охнул, схватившись за сердце.

– Как она погибла? – с трудом выговаривая слова, спросил он.

– Её жизненные силы ушли на то, чтобы я одолел барьеры пространств и, прорвавшись через Врата Миров, появился в нужном месте в нужное время, выполняя повеление моего Господина. Я убил двоих в чёрном, сильных воинов, и отобрал принца Трогвара у их предводительницы, женщины.

– Ты убил двоих из Ордена Койаров? – У старика вырвался хриплый возглас, полный отчаяния и страха.

– Я не знаю тех названий, которые вы даёте таким, как они, – последовал холодный ответ. – Я не знаю, откуда они, зачем им понадобился Трогвар и каковы их истинные имена. Я встретил их и убил – потому что они мешали мне. Хочешь ли ты спросить ещё о чём-либо?

– Нет, – медленно сказал Эммель-Зораг. – Передай своему господину, что я возьму принца Трогвара. А теперь – уходи! Не вынуждай меня прибегать к заклятьям Света!

– Света... – медленно проговорил посланец Темного Владыки. – Некоторые из этих заклятий служат тем, кого я убил... Да, конечно, я удаляюсь. Данный мне приказ выполнен, и больше меня тут ничто не задерживает. Хочу только предостеречь тебя, почтенный Эммель-Зораг, – остерегайся тех женщин-воительниц. Сдается мне, что против них не устоит даже твоё колдовство.

Закончив свою речь, чудовище неожиданно сложилось почти вдвое, громадные клешни превратились в отбрасывающие землю лапы; мгновение – и на поверхности остался лишь небольшой холмик взрыхленной земли. Слуга Великой Ночи скрылся.

Эммель-Зораг постоял ещё несколько мгновений на пороге, затем, словно опомнившись, юркнул внутрь дома. Клацнул поспешно задвинутый засов. Псы

как по команде бросились обнюхивать оставленную странным пришельцем яму.

Путаясь в полах халата, Эммель-Зораг мелкими старческими шажками просеменил на второй этаж своего дома. Трогвар спокойно лежал у него на руках.

Поднявшись, старик некоторое время стоял, охая и кряхтя, пока не прошла отдышка. От лестницы вёл длинный коридор, деливший дом пополам. Видно было, что здесь уже давно никто не живёт и по коридору ходят лишь изредка, – по углам скопились паутина и пыль, паркет совсем рассохся, с потолка обваливалась штукатурка, обнажая полусгнившие кости дранки, когда-то элегантные шпалеры на стенах выцвели, и невозможно было различить, что на них изображено. Но Эммель-Зораг, казалось, сейчас ничего не замечал – что-то бормоча себе под нос, он бережно нёс младенца, прижимая его к себе.

Старик остановился перед крайней дверью. Когда-то украшенная тонкой резьбой и искусно выполненными бронзовыми украшениями, сейчас она являла весьма жалкий вид. Бронза отвалилась, черви источили причудливые завитки узора. Дверная ручка отсутствовала, и Эммель-Зорагу пришлось немало повозиться, пыхтя и неразборчиво бранясь, чтобы подцепить заевшую створку. Внутри комнаты всё покрывал толстенный слой пыли – сюда, похоже, не входили уже не один десяток лет. Пыль серым ковром лежала на полу, на низком подоконнике затянутого древней паутиной окна, на небольшом столе чёрного дерева, когда-то нарядном и радующем глаз, а ныне покосившемся, рассохшемся и покрытом царапинами... Здесь царила её величество Пыль, и ничего, кроме неё да упомянутого покосившегося столика, в комнате больше не было.

Старик огляделся, продолжая что-то неразборчиво бормотать. Со стороны могло показаться, что он ищет какую-то очень нужную вещь, только что лежавшую на самом видном месте, а сейчас загадочным образом исчезнувшую. Безобразное запустение в его собственном доме, похоже, совсем не удивляло Эммель-Зорага. Не удостоив вниманием грязь, он рассеянно положил младенца на пыльный стол (Трогвар немедленно стал чихать и хныкать), встал рядом и медленно поднял левую руку. Лицо его вытянулось и заострилось, породистый подбородок чуть выдвинулся вперёд, как будто он собирался возразить кому-то во время ожесточённого спора. Дыхание стало ровным и глубоким, в нём больше не слышалось старческого хрипения. Мерным, исполненным силы голосом старик нараспев читал какие-то ритмичные стихи на непонятном языке. Он творил

заклинание.

* * *

Тяжело дыша, Арьята наконец остановилась в убогом и кривом переулке, очень напомиавшем тот, где стоял дом Гормли. Ноги принцессы подкашивались, больше она была не в состоянии сделать ни одного шага, так что, появившись тут сейчас убийцы в чёрном, девушка не смогла бы пошевелить и пальцем, чтобы защититься.

В сарае всё произошло настолько стремительно, что она даже не успела испугаться. Чёрные воины не нуждались ни в каких лестницах для того, чтобы взобраться на кипы сена. Они просто прыгнули вверх, хотя никакой человек не смог бы вот так запросто скакнуть с места на добрых три сажени. В руках убийц тускло блеснули короткие и широкие ножи.

Принцесса успела подобрать стилет – он лежал подле её левой руки, но замахнуться им она уже не смогла. Фигура в чёрном оказалась прямо перед ней, спасения не было. Тогда, как и в той страшной комнате, где погибли её мать, братья и сестра, из правой руки Арьяты возник быстрый голубой взблеск, словно от обнажённого меча из драгоценной стали гномов. На сей раз Арьята смогла разглядеть очертания длинного клинка с узорной гардой – он по самую рукоятку ушёл в грудь чёрного убийцы, на свою беду выскочившего прямо навстречу острию. А затем рука девушки сделала короткое и быстрое движение, один мощный рывок вверх – и труп с разрубленной грудью взмыл в воздух, с треском пробив крышу сарая. Меч исчез из руки принцессы, остальные трое в чёрном были уже совсем рядом, и тут она уловила яростный, хотя и молчаливый приказ, откуда-то извне пришедший в её сознание: вверх!

Уже уцепившись левой рукой за край пролома, Арьята наугад отмахнулась стилетом, стараясь зацепить ближайшего к ней воина в чёрном. Враги отчего-то двигались замедленно и неуверенно, словно в густом киселе; короткий клинок принцессы прочертил кровавую полосу на груди одного из них.

Снаружи раздались чьи-то встревоженные голоса – и ночные убийцы сочли за лучшее тотчас ретироваться. Двое бросились в пролом вслед за Арьятой, один спрыгнул вниз и шмыгнул в открытые двери сарая. Трогвар остался лежать на сене внутри.

Арьята оказалась лицом к лицу с двумя противниками, однако теперь уже не она боялась их, а, напротив, они страшились её. Они хорошо запомнили короткий и гибельный взблеск волшебного исчезающего меча в её правой руке, теперь они понимали, как погиб их первый товарищ, ещё там, в доме Гормли, – и явно колебались, не спеша броситься на девушку. Пожалуй, решилась Арьята сама напасть на них, они бы отступили, однако принцесса сообразила всё это слишком поздно. Вместо того чтобы сражаться, она опрометью бросилась к противоположному краю крыши, прыгнула вниз и кинулась бежать, охваченная слепым, паническим ужасом. Двое в чёрном метнулись за ней; спустя несколько мгновений из-за угла вывернул и третий их сотоварищ.

Арьята бежала, чувствуя у себя за плечами саму Смерть. Плащ невидимости больше не скрывал её, она вновь стала самой собой – юной перепуганной принцессой, раньше сражавшейся лишь только в зале для фехтования тупыми и лёгкими подобиями настоящих мечей...

Она не успела удивиться – почему убийцы, слуги этой неведомой Фельве, не схватили Трогвара, так и оставшегося лежать в сарае, если он был их главной целью? И лишь случайно взглянув на руки, она поняла, в чём дело. Возле её груди клубился странный и плотный туман, со стороны – ни дать ни взять туго запелёнутый ребёнок... Чья-то сила вновь отвела глаза врагам.

«Колдовство!» – вздрогнула Арьята. Кто-то очень могущественный помогал ей в эту страшную ночь – оттуда, наверное, появился и чудесный меч, дважды спасший ей жизнь. И невесть откуда брались силы продолжать безумный бег по залитым тьмою улицам, хотя в былые дни принцесса не пробежала бы и четверти того, что одолела сегодня; и на перекрёстках словно бы чья-то невидимая рука тянула её свернуть то в одну, то в другую сторону...

И всё же она мало-помалу начинала сдавать, ноги подкашивались, дыхание сбилось, перед глазами мелькали красные круги. Собрав последние силы, она сумела ещё раз свернуть на перекрёстке налево... и оказалась перед несколькими десятками воинов городской стражи, построившихся в две шеренги подле своей кордегардии. Коренастый мужчина с длинным мечом на перевязи стоял перед строем и что-то говорил.

Арьята во весь дух промчалась мимо них; кто-то из стражников предостерегающе крикнул, поднимая копье, его товарищи с завидной даже для

воинов личной королевской охраны резвостью наставили пики и дружно шагнули вперёд, навстречу вынырнувшему из тьмы узкого проулка чёрным фигурам.

Столкновение было настолько неожиданным, что даже несравненные бойцы Фельве, казалось, растерялись. В руках у них тотчас же появились короткие прямые мечи, однако несколько драгоценных мгновений они лишь защищались – и принцесса оторвалась от них.

Но кровопролитная схватка с неожиданно озверевшими рыночными стражниками никак не входила в намерения тех, кто послал чёрных убийц по следам Арьяты и Трогвара. Хриплые вскрики и звон оружия на мгновение перекрыл тонкий и злобный свист: вняв некоему понятному им одним зову, воины в чёрном тотчас повернули назад и со всех ног бросились прочь тем самым проулком, из которого появились минутой раньше. Внезапная, вспыхнувшая без единого слова с той или другой стороны схватка прекратилась так же неожиданно, как и началась. Стражники застыли, ошеломлённо вглядываясь в темноту; древки копий у многих были перерублены.

Арьята миновала ещё несколько поворотов, пока силы окончательно не оставили её. Странно обострившееся чувство опасности подсказывало, что сейчас бояться нечего; согнувшись чуть не вдвое и прижимая ладонь к боку, принцесса жадно ловила ртом прохладный ночной воздух.

Когда багровая карусель перестала крутиться у неё перед глазами, девушка попыталась сообразить, что же делать дальше. Она не знала, что произошло с чёрными воинами, кроме лишь того, что на время они потеряли её след. Оставалось одно – вернуться к дому барона Вейтарна. Если Арьяте повезёт, Трогвар должен быть ещё там. О том, что три её преследователя тоже могли вернуться туда, Арьята даже не подумала.

Несмотря на то что она бежала куда глаза глядят, ноги безошибочно вынесли её к дому барона. Всё было пусто и тихо, лишь в окнах верхнего этажа виделся слабый отсвет горящих свечей. Калитка была незаперта, даже более того – распахнута настежь. Держа наготове стилет, принцесса прокралась внутрь сенного сарая. Пусто. Трогвар, её крошечный братик, последний, кто остался в живых из её родни, – Трогвар бесследно исчез.

И тут силы оставили Арьяту, она упала лицом в сено и горько, безутешно разрыдалась.

* * *

По улице, на которой стоял дом барона, медленно тащилась высокая, широкоплечая фигура. Тяжело раненный, Гар упорно цеплялся за жизнь – горные великаны куда выносили даже самых сильных и стойких людей. Он шёл, чтобы рассказать обо всём господину. По лицу его всё ещё катились крупные слёзы – их он никогда не знал и потому смахивал рукой с некоторым недоумением, считая тоже последствием своих ран. Великан бережно нёс на руках безжизненное тело своей госпожи, доспехи Гара покрывали извёстка и кровь. Он шатался, но упорно продолжал идти. Его долг рассказать господину.

Великан навалился плечом на плотно запертые по ночному времени ворота, глухо зарычал; стражник поспешил отворить створку, узнав верного слугу баронессы. Он впустил великана, взглянул на него повнимательнее, увидел страшную ношу – и кинулся сзывать подмогу.

Барон, оттолкнув растерянного слугу, ворвался в покой, где на длинном ложе замерла Оливия; в углу домашний лекарь пользовал дергающегося от боли Гара.

Запинаясь, с трудом подбирая слова и то и дело смахивая слёзы, великан рассказал обо всём.

Барон выслушал Гара, не сказав ни единого слова и ни разу не прервав. Его взгляд омертвел, зрачки сузились, как будто он смотрел на яркое солнце, – такое бывало с ним лишь перед кровавыми смертными атаками, в какие он водил сотни околючуженной халланской конницы, когда пощады не давали и не просили. Чёрные воины, предводительствуемые женщиной, – что могло быть яснее? Ордену Койаров зачем-то потребовался принц – и, чтобы добыть его, они попросту убивали всех, кто мог помешать им. Теперь у них на пути оказалась Оливия.

Вейтарн долго смотрел на спокойное лицо жены. Внутри у него всё клокотало, однако внешне он по-прежнему оставался бесстрастен. Возникшие у него мысли были короткими и чёткими, как те команды, которые он отдавал, управляя

могучими валами конных дружин. Глаза остались сухи – только внутри его разума поселилась огромная чёрная пустота, давящая сознание, поглощающая и топящая в себе все чувства. Вейтарн понимал, что это – навсегда и что отныне ничто в этой жизни не сможет доставить ему радость; ему оставалось надеяться только на месть.

Шершавая ладонь барона коснулась холодного лба Оливии.

– Подготовьте... всё, что нужно, – медленно произнёс он, обращаясь к заплаканным служанкам жены, и тяжёлыми шагами вышел из покоя.

Безыскусный рассказ Гара не оставлял барону никаких иллюзий – Оливия погибла, спасая его честь, честь рода Вейтарнов, запятнанную его гнусным предательством. Гар, конечно же, ничего не понял в том, что произошло после того, как чёрные воины настигли Оливию в саду, но барон предполагал, что Трогвар попал в руки этого жуткого Ордена, одной из представительниц которого он так неосмотрительно дал приют в своём собственном доме. Хотя... Почему неосмотрительно? Этим бестий ему послала в руки сама Судьба! О, он будет хитёр и осторожен, он не выдаст себя ни жестом, ни взглядом, пока у него не будет всё готово!

Вейтарн позвонил. Осторожно, бочком, в его покой вдвинулся мажордом – старый сотник, начинавший воевать ещё под предводительством отца нынешнего барона Вейтарна.

– Оповести всех в доме, – не отрывая взгляда от столешницы, распорядился барон. – Моя супруга погибла от руки ночных бандитов. Её слуга, Гар, донёс баронессу Оливию до дома, но умер на пороге от полученных ран, не успев ничего рассказать. Проследи, Фандар, чтобы именно так говорили и так думали все без исключения наши люди! Особо позаботься о тех, кто знает правду.

– Не беспокойся, хозяин, – прогудел Фандар, безжалостно терзая свои длинные обвислые усы. – Всё сделаю. Им у меня правды и в страшном сне не приснится!..

Вейтарн кивнул, отпуская старого слугу. Теперь ему предстояло самое трудное – сохраняя спокойствие, поговорить с предводительницей койаров, с той, чьего имени он не знал. Её подручная, Фельве, была обычной женщиной-воительницей, её мысли и устремления Вейтарн мог понять; однако

предводительница оставалась для него загадкой. Играя важную роль в заговоре, посадившем на трон Халлана новую Владычицу, в чьих жилах текла кровь Перворождённых, предводительница койаров не стремилась добиться каких-либо благ и привилегий ни для себя, ни для своего Ордена. Она не просила ни новых земель, ни храмов, ни даже богатств. Орден остался в тени, хотя имел все возможности для того, чтобы весьма сильно расширить своё влияние. Это была загадка, которую следовало бы разрешить, прежде чем идти вызнать у предводительницы койаров правду, – но действовать приходилось немедленно. Барон поднялся, оправил одежды, прицепил к поясу парадный, изукрашенный самоцветами кинжал с коротким лезвием и мерным шагом отправился к покоям, которые занимала предводительница Ордена Койаров.

* * *

Выплакавшись, Арьята сползла с кип сена. Трогвар исчез. Быть может, его подобрали те, кто живёт в этом доме? Барон Вейтарн по-прежнему внушал ей изрядные подозрения – но иного выхода у неё не оставалось. С другой стороны, в дом барона нельзя было соваться, пока там сидели эти жуткие хозяйки чёрных ночных псов... Самое лучшее было бы встретить сейчас какого-нибудь Белого Колдуна – но о таком оставалось только мечтать.

Однако эта мысль упорно не хотела исчезать. Где-то глубоко в сознании ещё таился образ Красного замка – но память подсказала название иного места. Пещеры Ортана давно были известны среди избранной халланской знати – там собирались на тайные бдения известные своей борьбой со Злом Белые Колдуны. Их противники, многочисленные и многообразные порождения Зла, не раз и не два пытались уничтожить и само место, и собравшихся там его обитателей, но всякий раз терпели неудачу. Если она, Арьята, так и не сможет найти брата и отца, ей останется только поступить в ученицы к кому-то из Белых. Быть может, они подскажут ей, как распорядиться Четырьмя Камнями Халлана?..

Арьята постаралась как можно незаметнее выбраться из сарая. Она не знала, что Гар уже принёс мёртвое тело Оливии и что барон Вейтарн направляется сейчас к покоям предводительницы чёрных убийц; она хотела проникнуть в дом и поискать там Трогвара. Ноги сами понесли её ко всё ещё открытому окну поварской; девушка осторожно проскользнула внутрь.

В доме не спали. Где-то наверху хлопали двери, доносились торопливые шаги, кто-то, похоже, плакал... Арьяте подумалось, что вся эта суматоха связана с Трогваром. Куда можно потащить младенца из дома в такой час? – спрашивала она себя и сама же себе отвечала – некуда. Сжимая стилет, она на цыпочках кралась вдоль стен.

Она миновала поварскую, поднялась по широкой пологой лестнице в людскую, выбралась в коридор... Пока ей везло: она не встретила ни одной живой души, хотя дом был полон шагами, скрипами и голосами.

Она уже оказалась подле главной лестницы дома, когда ступени расположенного прямо над ней марша закрипели под тяжестью ступавших по ним ног. Кто-то спускался, и Арьята поспешила укрыться за пышной драпировкой. Каково же было её удивление, когда она сквозь узкую щель разглядела, что мимо неё медленно прошёл сам хозяин дома. Он казался погруженным в тягостное раздумье, голова свесилась на грудь, пальцы сжимали рукоять придворного кинжала – с такими знать появлялась на Больших Приемах, где не допускалось настоящее оружие. Барон что-то бормотал себе под нос; выглядел он страшно постаревшим и осунувшимся, точно пережил какое-то потрясение. Пройдя мимо притаившейся Арьиаты, он направился по коридору куда-то в глубину дома. Затаив дыхание, принцесса двинулась за ним.

Следить за бароном оказалось нетрудно – полностью ушедший в себя, он не замечал ничего вокруг. Так они добрались до широкой двери – она единственная из всех, что попались Арьяте в этом доме, была обита листовым железом.

Барон поднял голову. Губы его были плотно сжаты, взгляд, казалось, метал молнии; он резко и сильно постучал.

– Да? – приглушённо донёсся изнутри низкий женский голос, и принцесса обмерла – там, за дверью, была та самая безымянная, что приказывала Фельве найти и схватить их с Трогваром!

Вейтарн рывком распахнул дверь и вошёл. Тяжелая створка захлопнулась за ним, щёлкнул задвинутый засов.

Арьята понимала, что она обязана любой ценой услышать этот разговор. Быть может, ей сейчас откроется вся тайна заговора, тайна гибели её родных... она

узнает всё!

С сильно бьющимся сердцем она выбралась из своего укрытия за очередной шпалерой и, трепеща, прижалась ухом к дверной щели, совсем позабыв об осторожности. К её разочарованию и отчаянию, она уловила лишь невнятные отголоски, разобрать слова было невозможно.

Принцесса сжала кулаки так, что ногти глубоко впились в ладони. У нее оставался последний способ, опасный и неверный, который мог обойтись ей очень дорого... и всё же нужно было рискнуть. Медленно и глубоко вздохнув, Арьята начала творить заклятье, позволявшее услышать даже комариный писк над дальним болотом. Заклинание не из сложных, его легко почувствовать; те, на кого оно обращено, могут заподозрить неладное, если сами сведущи в магии. Арьята очень сильно подозревала, что собеседница барона изощрена в чародействе настолько, что обнаружит присутствие принцессы через несколько минут... И всё же эти несколько минут необходимо использовать!

– Сочувствую тебе в твоём горе, почтенный барон, – говорил низкий женский голос, полный сейчас самой искренней печали и скорби. – Я слышала, она столкнулась с ночными головорезами? Где же был Гар, почему он не защитил свою госпожу?

– Гар сражался доблестно и получил тяжкие раны, – прозвучал глухой ответ. Арьяте показалось в нём некое скрытое нетерпение, как будто говоривший был вынужден произносить положенные по этикету фразы, в то время как ему не терпелось выложить всё начистоту и потребовать того же от собеседника.

– Великан получил тяжёлые раны? И тем не менее разбойники убили твою супругу? Что же это за люди? Кому по силам справиться с горным великаном, специально обученным для боя? – Последний вопрос говорившая обращала скорее всего к самой себе, как подумалось Арьяте.

– И тем не менее это так, – продолжал барон. – Какие-то весьма искусные, наверное, издалика... И я хотел просить твоей помощи, о предводительница славного Ордена Койаров! – Арьята готова была поклясться, что последние три слова барон вытолкнул из себя с величайшим усилием и отвращением, хотя, конечно же, изо всех сил старался скрыть это. – Я прошу – помоги мне найти и покарать убийц. Твоим воинам это пара пустяков.

– Гм... – Предводительница как будто немного смутилась. – Конечно, мои койары справятся с любыми противниками, но как найти этих загадочных убийц?

– Неужели у могущественной предводительницы такого мощного Ордена нет осведомителей на городском дне?

– Гм... Осведомители, конечно же, есть... но я сейчас очень занята, и все мои люди тоже... Однако я сделаю всё, что смогу, чтобы помочь почтенному барону, – ведь наш заговор своим успехом обязан именно достопочтенному барону Вейтарну.

«Так, значит, он всё-таки предатель!» – По сознанию Арьяты полоснул огненный кнут.

– Благодарю. Но мне ведомо, что некоторые из людей твоих, о предводительница могучих койаров, были этой ночью в городе. Быть может, они могли что-либо видеть, что-либо слышать. Я хотел бы поговорить с ними.

– Они и Фельве ещё не вернулись, – последовал ответ. – Когда они появятся, я дам тебе знать, почтенный барон.

– Значит, я могу рассчитывать на твоё содействие? – в упор спросил барон.

– Разумеется.

Арьята услышала скрип – как будто кто-то поднялся со стула. Принцесса поглубже вжалась в щель между двумя здоровенными, изрядно пропылёнными шкафами.

В коридоре раздались торопливые, но какие-то запинаящиеся шаги. Мимо щели, в которой пряталась Арьята, торопливо промелькнула затаенная в чёрное женская фигура. Без стука она всем телом навалилась на дверь, и, хотя принцесса сама слышала, как засов заперли изнутри, створка открылась тотчас же.

– Фельве?! – с грозным недоумением прозвучал голос предводительницы. – Ты исполнила порученное?

– Повелительница... – раздался сдавленный хрип, в котором не осталось ничего женского. – Нам... надо поговорить... наедине.

– Извини меня, почтенный барон, я знаю, мы твои гости, и негоже просить хозяина... Ты поговоришь с Фельве, как только она скажет мне то, что должна.

– Ну ладно. – Барон произнёс это на удивление спокойно. – Я подожду тут, за дверью.

– Благодарю тебя, о благородный Вейтарн. – Наверное, невидимая Арьяте предводительница при этом медоточиво улыбнулась.

Дверь скрипнула, под тяжёлыми сапогами барона затрещали половицы. Он прошёл по коридору и, судя по звукам, присел на широкий сундук, стоявший чуть дальше тех шкафов, за которыми нашла убежище принцесса. Её заклятье продолжало действовать, однако времени оставалось совсем немного.

– Что произошло, Фельве? – услышала принцесса низкое и яростное рычание предводительницы. – Где Трогвар? Где девчонка?! Где, поглоти меня Тьма, Четыре Камня Халлана?! Если уж не Трогвара с принцессой, то уж хотя бы Камни ты сумела раздобыть?! И где все твои люди?!

– Великая... Я знаю, что должна умереть страшной и лютой смертью. Я упустила их. Трогвар был почти в моих руках – его куда-то тащила Оливия, но её Гар... убил двоих, а остальных прикончил посланец Тьмы... – И Арьята услышала всю историю до того места, когда слуга Ракота отобрал у Фельве ребёнка. В рассказе нашлось место и ей, точнее, её неведомому оружию, что сразило двух воинов Ордена. «Так, значит, барон всё же не совсем предатель?.. Или он вообще не знал о поступке жены? – пронеслись в голове Арьяты быстрые суматошные мысли. – С ним надо поговорить!..»

Однако Арьяте не удалось дослушать повествование Фельве до конца. Говорившая внезапно умолкла на полуслове, а спустя ещё миг дверь неожиданно распахнулась; барон вскочил от неожиданности при виде двух разъярённых подобно тигрицам воительниц.

– Нас подслушивали! – прошипела предводительница. – И тот, кто делал это, где-то тут, рядом! Он не мог уйти далеко! Так вот что я чувствовала с самого

начала! Это заклятье, будь оно неладно, да ещё сплетённое Ненной! (Так звали старую колдунью, учившую Арьяту началам волшебства.) Принцесса здесь, в доме!

- Принцесса? - изумлённо воскликнул совершенно сбитый с толку барон.

- Она тут, рядом... - не обращая на него внимания, шипела предводительница. - Тут, рядом... рядом... здесь!!! - Она пронзительно взвизгнула.

Словно чья-то могучая рука вышвырнула Арьяту из её щели - настолько быстро оказался её прыжок. В правой руке сверкнул стилет, цепкие пальцы рванувшейся вперёд наперерез Фельве захватили лишь воздух, и клинок Арьи пропорол левую руку предводительницы от локтя до плеча прежде, чем та успела защититься или хотя бы отпрыгнуть в сторону. И надо знать, на что способны в бою койары - а тем более их предводительница! - чтобы оценить силы, двигавшие в тот момент принцессой. Она прекрасно понимала, что против любого из воинов этого Ордена она не более чем младенец, замахивающийся игрушечным деревянным ножиком на закованного с головы до пят в броню королевского панцирника. Арьяту подтолкнуло отчаяние и чей-то безмолвный, но внятный приказ - нападай!

Принцесса рванулась прочь по коридору. Барон - пусть его, с ним она, быть может, найдёт способ поговорить позже, а пока нужно бежать!

И она бежала - словно вновь спасалась от воинов Фельве. Арьята молнией промчалась по коридорам дома, безошибочно найдя дорогу к входной двери, хотя никогда не бывала здесь раньше и, понятно, не могла знать расположения комнат и переходов. За нею длинными прыжками мчалась Фельве, но у принцессы словно бы выросли крылья. То мгновение, на которое она опережала воительницу, Арьята потратила, подпирая парадную дверь очень кстати случившимся здесь колом, и злорадно усмехнулась, услышав тупой удар тела, со всего размаха врезавшегося в закрытые створки.

Этим принцесса выиграла время. Когда Фельве наконец выбила окно и спрыгнула во двор, Арьи уже и след простыл.

Глава V

– Что за странная судьба выпала тебе, принц Трогвар, – задумчиво бормотал Эммель-Зораг, пока нанятая кормилица возилась с младенцем. – Я был бы рад, прочитав в своём гадании, что тебе предстоит стать воином пресветлого Ямерта, отправиться на великую битву с чёрными легионами Владыки Ночи Ракота Восставшего... Но руны легли смутно и неясно, да и вряд ли Тёмный Властелин стал бы тратить на тебя силы, будь ты изначально, от рождения, на стороне Молодых Богов... Что же мне с тобой делать, принц Трогвар?

К старости у Эммель-Зорага появилась привычка размышлять вслух, вполголоса произнося слова. Домашние уже давно привыкли к причудам старика и не обращали на него никакого внимания. Трогвара они сочли подброшенным младенцем, очевидно, отпрыском знатной дамы, раз она оставила столько золота. Об истинных обстоятельствах появления ребёнка в их доме Эммель-Зораг, понятно, не распространялся. Его беспокоило другое: воины в чёрном, хорошие воины, от которых спасалась бегством баронесса, – это, ясное дело, не кто иной, как люди Ордена Койаров, при одном имени которых народ бледнел и разбегался по углам. За принцем наверняка пойдёт нешуточная охота. У этого Ордена хватит сил прочесать весь город, допросить каждого его жителя... Рано или поздно койары нападут на след – при этой мысли старик вздрогнул. О пыточных застенках Ордена ходили настолько страшные легенды, что их передавали друг другу только шёпотом и при ярком свете дня. И эти слухи утверждали, что пытаются там узников не простые палачи и не всякими там привычными клещами или тисками. В подземельях Ордена обитали ужасные бестелесные духи, медленно обращая в ничто плоть своих жертв, они выпивали их души...

Вывод из всего этого следовал простой: принца нужно спрятать, причём побыстрее и понадежнее. Враги должны окончательно потерять их след. Эммель-Зораг медленно поднялся – вот и пришёл тот день, приближение которого он смутно предчувствовал, которого он ждал и которого в то же время и боялся. Значит, ему, Эммель-Зорагу, придётся уйти и провести в глухомани семь долгих лет... Потом он сможет отдать Трогвара в Школу Меча – но до этого ему ещё надо дожить. Дожить, будь прокляты все демоны и небожители! И он доживет. Король, законный король ещё вернётся в своё королевство...

Нельзя сказать, чтобы старый сэйрав недолюбливал Перворожждённых – просто он был верен раз и навсегда данной присяге, и освободить его от данного слова могла лишь его собственная смерть или законный король, которому он присягал.

Приняв решение, старик не мешкал. Собрав родню, он в тот же день объявил им небывалую новость. Никакие уговоры не подействовали. Вечером Эммель-Зораг, Трогвар и кормилица покинули Неллас. Старому волшебнику пришлось потрудиться, сплетая отводящие взор заклинания, – во всех городских воротах стояла стража из числа воинов Ордена Койаров; по счастью, Эммель-Зораг избежал встречи с кем-либо из истинных чародеев этого Ордена – тогда бы ему не помогла никакая волшба.

И всё же старик не мог отделаться от мысли, что мрачные воины, выпустившие его из ворот (городская стража в тот день куда-то бесследно исчезла), что-то заподозрили. Ему не нравилась и пыль на дороге: старику казалось, что оттуда за ним наблюдают мириады внимательных глаз. Пыль, способная слагаться в самые невероятные существа, пыль, впитавшая в себя отражения душ тысяч и тысяч проходивших по дороге – и людей, и не людей, – была излюбленным рабочим материалом колдунов Ордена Койаров, а Эммель-Зораг не знал достаточно сильных заклятий, чтобы отвести от себя такую погоню.

И всё же пока им везло. Башни Нелласа скрылись из глаз, путники миновали полосу предместий, а преследователей ещё не было. Старик усилием воли гнал непрошенные мысли насчет того, что всё ещё, быть может, пройдёт тихо.

Однако миновала ночь, проведённая путниками на постоялом дворе, миновал следующий день, они свернули с тракта, что вёл на восток, к гаваням Беттора, и теперь шли на север, пробираясь к самой границе владений Халланской короны.

Вокруг них потянулись густые леса, лишь изредка перемежающиеся с небольшими деревнями. Здесь уже чувствовалась близость Хребта, из-за которого с огнём и разорением приходили северные варвары. Местные жители носили оружие – они единственные в королевстве имели такую привилегию.

– Ты не боишься идти дальше? – спросил Эммель-Зораг кормилицу на четвёртый день пути, когда громады гор Хребта уже закрывали полнеба.

– Я? Боюсь? Господин шутит, – засмеялась кормилица, ядрёная нелласская деваха. – Мои родители и братья с сёстрами наконец-то едят досыта! У них новый дом! Они даже хотят прикупить ферму! И всё это благодаря вам, господин. Так чего же мне бояться?

На пятый день вокруг них сомкнулись угрюмые еловые леса. Просёлочная дорога превратилась в узкую, полузаросшую тележную колею; старому волшебнику казалось, что он слышит далёкое завывание волков, и это было странно – волки в эту пору, да ещё и днём, обычая выть не имеют.

Дорога привела их в крохотную деревушку – полтора десятка дворов, жалкое подобие харчевни – и тут кончилась. Дальше по чащобам петляли одни охотничьи тропы, однако Эммель-Зораг и не собирался испытывать судьбу за Хребтом, хотя там, конечно же, койарам было бы труднее разыскать беглецов. Здесь, в глухой подлесной деревушке, жил старый приятель Эммель-Зорага, его собрат по Искусству, но, в отличие от нелласского сэйрава, не забросивший это занятие. Когда-то его имя тоже гремело над полями сражений, дочери самых знатных родов королевства втайне мечтали о том, чтобы войти хозяйкой в его грозный замок... Однако всё это было давно. Один из лучших мечей Халлана, гордость королевской гвардии, известный отчаянными похождениями, человек, которого звали Дор-Вейтарн, избрал стезю волшебства.

И ещё он приходился старшим братом тому самому барону Вейтарну.

В этих краях Дор-Вейтарна прозвали Вороном – за иссиня-чёрные, как вороново крыло, волосы и за мудрость, исстари приписываемую благородной птице. Дом его снаружи ничем не отличался от остальных деревенских строений; просторный – здесь строили с размахом, благо леса хватало – и простой, он ничем не привлёк бы взгляда впервые оказавшегося здесь чужака. Но никто из деревенских обитателей не знал, что из подпола ведёт узкий и длинный ход в тайные пещеры, открывающиеся в обрыв быстрой местной речушки. Там Дор-Вейтарн занимался своими изысканиями, туда к нему приходили странные гости, коим несподручно появляться в людских селениях даже ночью...

Отрёкшийся от своего титула барон встретил старого друга с радостью и удивлением. Он выслушал историю, рассказанную Эммель-Зорагом, и лицо его омрачилось.

– Плохо дело, почтенный Эммель-Зораг. – Несмотря на долгие годы дружбы, Ворон именовал нелласского сэйрава только так и не иначе, поскольку тот был старше его годами. Переубедить его Эммель-Зораг так и не смог. – Плохо наше дело, со всех сторон плохо, куда ни кинь, всё плохо выходит, – задумчиво бормотал Ворон, глядя на разбросанные по полу руны. – Слишком многое связано теперь с этим младенцем, почтенный друг мой. За ним охотятся койары – это понятно. Принц королевской крови нужен им для их отвратительных обрядов – они могут даже принести его в жертву своим покровителям, коих мы называем Лишённые Тел. А может, есть у них и иные цели, мне неведомые. Ты не хуже меня знаешь, почтенный Эммель-Зораг, что вся королевская семья Халлана отличалась большими магическими способностями; но лишь если у королевы рождалось именно столько детей и именно под такими Знаками Судьбы, как у нашей бедной правительницы – да упокоит её в посмертии пресветлый Ямерт! – то последний ребёнок, если он мальчик, получает изначально поистине великие способности. Если его правильно воспитать... это может быть величайший колдун нашего времени. Лакомая добыча для Чёрных койаров!..

Однако давай оставим пока эти велеречивые рассуждения и подумаем, что надо сделать сейчас. Мыслю я, что тебе, почтенный друг мой, здесь оставаться неуместно. Повелительницу койаров я знаю слишком хорошо. Она перевернёт вверх дном весь город! Рано или поздно она узнает, что ты нанял кормилицу – и в тот же день исчез из города. Хоть ты и наказал своим домашним не болтать, но кто может полностью поручиться за то, что их языки и впрямь останутся на замке? Кто-нибудь да проговорится, а шпионов у койаров достаточно.

Но с Чёрными койарами мы с тобой, коль поможет светлый Ямерт, как-нибудь да управимся. Куда больше заботит меня твой гость, что принёс тебе принца. Восставший Ракот никогда и ничего не делает зря, и последствия поступков своих он предвидит на много лет вперёд. Быть может, он хочет использовать принца в борьбе с новой Владычицей Халлана? Кто знает, может, при ней Перворождённые выйдут из своего долгого уединения, вновь станут участвовать в делах этого мира? Быть может, именно этого страшится и именно этого не хочет допустить Владыка Мрака? Хотя... должен тебе сказать, почтенный Эммель-Зораг, что воюет Восставший по-рыцарски. По крайней мере, оставшихся над схваткой Перворождённых он пока не трогает.

– Чудовище, принесшее Трогвара, говорило мне, что его миссия оплачена самой дорогой ценой, которую только может заплатить смертный... – заметил

нелласский волшебник.

– Ты полагаешь, почтенный друг мой, что Владыка Тьмы просто откликнулся на мольбу баронессы Оливии? Жаль её, красивая была женщина и брата моего любила... – Ворон печально опустил голову, однако не дал скорби овладеть собой. – Быть может, быть может. Бытует такое поверье, что Владыка Мрака охотнее помогает смертным, чем далёкие от нас Молодые Боги, затворившиеся в пределах своего Обетованного... правда, и плата за помощь у Ракота куда как высока... Хотя, чтобы послать такое чудовище, которому по плечу справиться с койарами, через миры и их ограды, нужны поистине великие силы...

– Мне страшно, друг Дор, – признался Ворону Эммель-Зораг. – Вдруг мы с тобой спасаем, укрываем, обучаем будущее страшное оружие Тьмы?! Не стоит ли отправиться в храм Ямерта или лучше милосердной Ялини – и вручить принца тамошним служителям?

– Что ты говоришь, почтенный Эммель-Зораг, – нахмурился Дор-Вейтарн. – Это же благородно рожденный принц, наш с тобой повелитель! Не знаю, как там себя покажет новая Владычица, – но ты-то служил королю! Хотя, должен сказать, народ пока на неё не ропщет... Однако нас это волновать не должно. Я давно удалился от двора, придворных интриг и тому подобного – но, как и ты, мой почтенный друг, я присягал Королевскому Дому Халлана, и от этой присяги я не отступлю. Нам надо спрятать принца так, чтобы до него никто не добрался, а потом... я считаю, предположение посланца Тьмы выглядит весьма разумным.

– Разве ты не хочешь взять Трогвара в ученики, если он, как ты говоришь, и впрямь может вырасти в великого колдуна? – спросил Эммель-Зораг, прихлебывая тёмное деревенское пиво.

– В ученики не берут, – опуская голову, сумрачно ответил Ворон. – Ученика посылает Судьба... Трогвара ко мне привёл ты, не Она. Давай не будем говорить об этом, мой почтенный друг.

– Хорошо, – с некоторым удивлением сказал Эммель-Зораг. – Так что же ты предлагаешь делать?

– Принца следует оставить здесь, – произнёс Дор-Вейтарн. – Но не у меня. Я отдам его на воспитание лесным гномам. Они кое-чем обязаны мне и не откажут

нам в этой просьбе. Там Трогвар будет в безопасности. До лесных тайников не добраться никаким койарам. Я буду встречаться с ним, а когда ему исполнится семь... мы определим его в Школу Меча.

- Понимаю, - кивнул Эммель-Зораг и стал отвязывать от пояса тяжёлый кошель. - Полагаю, тебе это будет нелишним?

- Это? Да, сколько потребуется внести за Трогвара в Школе...

- А остальное? А тебе, Дор-Вейтарн?

- Мне? Ты смеёшься надо мной, мой почтенный друг. Ворону золото ни к чему. Завтра поутру я отнесу принца к гномам. А вы можете трогаться в обратный путь - погоди, не возражай, твоё отсутствие не должно быть замечено! Мы же только что говорили об этом... - прибавил Дор-Вейтарн, видя протестующий жест Эммель-Зорага.

Нелласскому волшебнику не нужно было рассказывать о древесных, или лесных, гномах. Непоседливые и шkodливые, они тем не менее крепко держали раз данное слово. Золото не имело над ними власти, подобной той, что оно имело над их горными собратьями. Древесные гномы чтили волшебников и побаивались их. Деловитые, тороватые, они владели необычной магией, отстаивая свои лесные владения от желающих наложить на них свою руку. Если они дадут Слово - за принца можно будет не беспокоиться. Его след оборвётся в этой глухой подлесной деревне, и даже он, Эммель-Зораг, не будет знать, где находится Трогвар.

Нелласский сэйрав и кормилица отправились в обратный путь, а Ворон, не испытывая судьбу гаданиями, уложил младенца и преспокойно отошёл ко сну сам, предварительно послав весть лесным гномам. Чёрных койаров он не страшился - они хоть и могущественны и владеют странными силами, но сюда им добраться будет нелегко... А если они доберутся, у него найдётся чем их встретить.

* * *

Утро своего второго дня в Нелласе принцесса Арьята, законная наследница Халланской короны, встретила, забившись в узкую и глубокую щель городской стены. Она случайно наткнулась на место, где раствор выкрошился и кто-то – из озорства, наверное? – не пожалел сил на то, чтобы выломать из стены несколько громадных глыб. Около этой щели стояли пригнанные в город возы с сеном, Арьяте удалось набрать немного для подстилки. Всё пережитое отняло у принцессы так много сил, что она провалилась в чёрный сон без сновидений, едва улегшись.

Выбравшись из своего убежища и наскоро умывшись в колодце на Рыночной площади, принцесса вновь отправилась к дому барона Вейтарна. Она понимала, что это безумие, но иного выхода у неё не было. Барон представлялся принцессе её единственным союзником, и она надеялась, уловив момент, поговорить с ним.

Пробираясь к памятному дому, девушка обратила внимание на мрачных воинов в чёрном и сером с короткими прямыми мечами у пояса, занявших в городских воротах место дружинников Нелласа. Столкнувшись взглядом с одним из этих воинов, Арьята невольно вздрогнула и поспешила пройти мимо, опустив глаза, – ворота охранялись Орденом Койаров. Это значило, что охота на них с Трогваром пошла уже всерьёз.

У дома барона Вейтарна принцессе пришлось испытать новое потрясение. Она ожидала увидеть похоронную процессию – жены барона, несчастной Оливии, однако её взору предстали две траурные повозки!..

* * *

Фельве медленно приближалась, низко склонив голову; предводительница койаров застыла на середине просторной передней; рядом с ней против собственной воли оказался растерянный Вейтарн.

– Твоя жена украла принца! – прошипела предводительница, поворачиваясь к барону. Глаза её сузились, казалось, она сейчас вопьётся зубами ему в горло. Наверное, единственный раз за всю свою жизнь та, которая стояла во главе самого могущественного тайного Ордена в Западном Хьёрварде, потеряла самообладание. – Отвечай, жалкий червь: где она его спрятала?!

Фельве метнулась к Вейтарну подобно бросающейся на добычу змее; её короткий и широкий кинжал столкнулся с недлинным клинком барона. Сталь со скрежетом ударила в сталь; свободной рукой барон попытался ударить Фельве в незащищённое горло, но тут слева от него что-то мелькнуло, и его рука с трудом отразила внезапный выпад предводительницы. Она не хотела убивать барона, он был нужен ей живым, и Фельве собиралась лишь приставить лезвие к шее Вейтарна, однако неистовый барон спутал все их планы.

- Люди, ко мне! - заревел он, отпрыгивая к окну. - Сюда, с оружием!

- Проклятье! - почти взвизгнула предводительница. - Фельве!

Её верная соратница молча прыгнула, однако если она рассчитывала встретить обременённого изрядным брюшком, разжиревшего сорокалетнего мужчину, то жестоко ошиблась. С удивительной для его грузной фигуры лёгкостью барон извернулся, присев на одно колено, и его короткий парадный клинок ударил в живот Фельве. Железо легко погрузилось в плоть; пальцы Вейтарна обагрились кровью. Обмякшее тело Фельве глухо стукнулось об пол; Вейтарн выхватил из ослабевшей руки оружие, замахнулся им на предводительницу...

Сухо щёлкнул небольшой арбалет, и странная стрела, оставляя за собой в воздухе блекло-зелёную дорожку, впиалась в широкую грудь барона, тотчас превратившись в короткую и толстую змею с усаженной многочисленными зубами широкой пастью. Тварь немедленно вгрызлась в плоть, пробираясь к сердцу.

Вейтарн ещё успел полоснуть тварь кинжалом Фельве, но тут жизнь покинула его тело, и он замер, распластавшись на полу. Из перерезанного тела страшной змеи на пол медленно вытекала тёмно-зелёная кровь.

Предводительница койаров, с презрением глядя на мёртвого барона, неторопливо перезарядила арбалет. Как жаль, что этот Вейтарн ухитрился полоснуть клинком Дарготу - доберись ненасытная тварь до его сердца, тело барона можно было бы извлечь из смерти особыми магическими приёмами, и он стал бы ещё одним бойцом воинства койаров; душа же его оказалась бы пленена могущественными малефиками Ордена...

Предводительница Ордена мысленно окликнула нескольких воинов из своей личной сотни и, когда в передней появились семь затянутых в чёрное фигур, коротко произнесла:

– Соберите здешних слуг. Заставьте этих скотов работать. Пусть к утру будет всё готово для двух роскошных погребений. Распустите слух, что баронесса Оливия погибла от рук ночных бандитов, а её супруг, не снеся удара, сам свёл счёты с жизнью. Здешней челяди пообещайте... сами знаете что, если они станут болтать...

Она отдала ещё несколько приказов. Немедля расставить верных людей у городских ворот, а с утра начать прочёсывать Неллас...

* * *

Арьята тотчас поняла, что здесь что-то неладно. Во дворе всем распоряжались угрюмые воины Ордена; испуганные слуги поспешно выполняли все их приказы. Спустя несколько минут из разговора толпившихся перед воротами зевак принцесса узнала, что барон Вейтарн присоединился к своей жене.

Арьята не рискнула вторично прибегнуть к заклятью слуха. Прошлый раз её спасло лишь чудо, повторная попытка могла стоить жизни. Оборвалась последняя ниточка, которая могла бы привести её к исчезнувшему Трогвару...

И всё же она не могла уйти. Что-то неудержимо тянуло её к этому дому. Раздираемая противоречивыми стремлениями, принцесса сама не заметила, как обогнула строение и оказалась в узком переулке возле задних ворот. Бродить здесь было чистым безумием – наверняка о ней знают все до единого воины Ордена; и всё же она не уходила.

Створки ворот внезапно приоткрылись, четверо койаров с видимым напряжением выволокли громадный куль, перемазанный в нескольких местах чем-то багровым. Арьята поспешно юркнула за выпирающий угол какого-то сарая, не переставая следить за мрачной четвёркой. Мимо неё прогрохотала телега, на передке сидел ещё один воин Ордена; впятером койары с трудом взвалили свою ношу на телегу, возчик хлестнул лошадь, и та неспешно потрусилась прочь. Четверо вынесших куль воинов вернулись во двор. Арьята

осторожно выглянула из своего укрытия и, поминутно озираясь, припустила вдогонку.

Телега долго петляла по глухим и кривым проулкам; возчик ухитрился ни разу не пересечь оживлённых улиц. Наконец они добрались до узких ворот, носивших выразительное название Мусорных. По счастью, их не охраняли воины Ордена – стояли лишь двое городских стражников, на все лады проклинавших своего начальника, уличившего их в пьянстве и поставившего на этот самый грязный и позорный пост. Они были полностью поглощены подбором наиболее подходящих прозвищ своему старшому и больше ни на что внимания не обращали. Принцесса беспрепятственно проскользнула вслед за повозкой.

Оказавшись за воротами, она поспешно зажала нос. Здесь на несколько миль от крепостных стен до самого берега реки тянулась старая городская свалка. Отец последнего халланского короля выстроил новую стену за свалкой, и так получилось, что об этом куске земли вообще забыли.

Телега осторожно пробиралась среди высоченных гниющих груд; огибая мутные лужи, на почтительном расстоянии за ней следовала принцесса. Углубившись довольно далеко в хаос мусорных хребтов, возчик остановил телегу. Повозившись некоторое время, он спихнул свой груз наземь, развернулся и тронулся в обратный путь.

Стилет Арьяты торопливо распорол грязную мешковину. Открылось широкое, грубо вылепленное лицо великана с закрытыми глазами. «Верно, кто-то из слуг барона... – мелькнуло в голове принцессы. – Защищал господина... Но почему же меня потянуло за этой телегой?»

Тонкие пальцы принцессы осторожно коснулись мощной шеи, и тело великана внезапно вздрогнуло. Он был ещё жив.

Арьяте стоило немалых трудов влить посредством магии в Гара достаточно сил, чтобы тот смог доковылять до берега реки, где было почище. Ей пришлось долго объяснять великану, кто она такая и почему он должен рассказать ей всё со всеми подробностями. Гар не отличался сообразительностью, а принцесса слишком устала после своего чародейства. Так Арьята, чувствуя, как разжимаются ледяные тиски отчаяния, услышала последнюю часть истории и узнала главное – имя того человека, к которому направлялась Оливия.

Принцессе оставалось надеяться лишь на то, что посланец Тьмы выполнил волю баронессы и Трогвар попал к старому нелласскому сэйраву по имени Эммель-Зораг.

* * *

Дор-Вейтарн шёл по длинному подземному тоннелю, прекрасно ориентируясь в полной темноте. Он направлялся к своей заклинательной пещере – после ухода Эммель-Зорага Ворон терзался смутной тревогой. Он чувствовал: его настойчиво ищет чья-то мысль, и в дело пошли магические средства. Дор-Вейтарн послал весть лесным гномам; они должны были прийти, и волшебник шёл по залитой мраком пещере, держа на руках спокойно спавшего Трогвара.

Ворон слишком хорошо знал, что такое Орден Койаров, чтобы наивно полагать, будто нехитрая уловка Эммель-Зорага собьёт их ищеек со следа. Один лишь раз, ещё при жизни своего учителя, ему довелось видеть, как созданный малефиками Ордена Пылевой Демон настиг свою жертву, пройдя по её следу почти полторы тысячи миль через весь Халлан...

Волшебник не старался отогнать тревожные мысли. Напротив, он тщательно обдумывал самые неблагоприятные для себя исходы – что койары уже знают об отсутствии Эммель-Зорага в Нелласе и сейчас их невидимые прислужники отыскивают на дорогах Халлана полустершийся след старого колдуна. В таком случае через день-два следовало ждать непрошенных гостей. У мага оставалось лишь несколько часов – для того чтобы вручить Трогвара гномам и дать им уйти поглубже в непроходимые для людей чащобы. В голове Ворона уже складывался план, правда, чреватый для него самого смертельным риском.

«Не обманывай себя, – подумал старый волшебник. – Койары поверят, что принц Трогвар вне досягаемости, лишь только держа в руках его труп. Труп настоящий, потому что его с придирчивостью станут расчленять весьма умелые малефики Ордена, для которых некромантия – хлеб насущный. И должен найтись некто, кто подбросит им такой труп... желательно с наибольшим шумом, грохотом и прочими огневыми потехами. А это значит, что тебе, Дор-Вейтарн, предстоит дать бой посланцам Ордена... после которого они и найдут тело принца, сражённого их же оружием. Пусть Чёрная Матерь поотрывает их глупые головы после такого позора...»

Непроницаемый сумрак вокруг Ворона тем временем сменился мягким серо-зелёным полусветом. Впереди замаячила арка выхода.

Однако прежде чем шагнуть под раскинувшиеся своды приречной пещеры, Дор-Вейтарн долго и тщательно налагал скрывающее следы заклинание, надеясь, что среди множества ложных следов, которые он намеревался проложить вокруг своего жилища, колдуны Ордена не отыщут верный.

Старый волшебник оказался в просторной, чистой и сухой пещере, стены и углы тонули в мягком полумраке. Посредине, выбиваясь из-под земли, журчал ключ – от него брал начало небольшой ручеёк, сбегавший по пологому руслу к реке. На белом песке в середине зала были видны грубо высеченные из камня чёрные стол и кресло, более смахивавшее на королевский трон. Подле них, рядом с источником из длинных валунов, был сложен круглый очаг. Больше в пещере ничего не было, однако она и не нуждалась ни в каких мрачных колдовских атрибутах. Воздух в ней был удивительно чист и напоён странными ароматами – их нельзя было соотнести ни с каким цветком или деревом, они были ароматами мысли и настроения, от одних безудержно тянуло в пляс, другие настраивали на серьёзный лад. Были и такие, от которых сладко начинало щемить сердце, и те, что заставляли вдохнувшего их идти в бой, не помня себя. Однако последние Дор-Вейтарном на волю не выпускались никогда.

Ворон подошёл к каменному креслу, осторожно положил запелёнутого Трогвара на тёмную столешницу, отпил воды из родника, сел, устроился поудобнее и стал ждать.

Шло время, голубые колечки дыма из трубки Дор-Вейтарна плавно поднимались и таяли под потолком, на серебристой поверхности воды в каменной чаше родника прихотливо играли отблески света от зажжённого Вороном магического фонарика. Старый волшебник выкурил целых четыре полные порции душистого табака из Южного Хьёрварда – единственное, что осталось от прошлой жизни, так это неистребимая привычка к хорошему табаку, – когда наконец появились гномы.

– Мы не могли прийти вовремя, почтенный! – не здороваясь, с порога произнёс один из них. – В окрестных лесах творится что-то неладное...

Перед старым волшебником стояли пятеро невысоких лесных обитателей. Одеты они были большей частью в зелёное и коричневое, каждый имел на поясе толстый моток верёвок с деревянными крюками на концах; из-под валяных шапок выбивались волнистые каштановые волосы. Оружия при себе они не носили.

На Дор-Вейтарна смотрели пять пар внимательных серых глаз. Обычно лесные гномы отличались легкомысленным и непостоянным нравом, однако были среди них и почтенные, заслуживавшие всяческого уважения семьи, что крепко блюди Лес, и именно благодаря им остальные гномы имели возможность беспрепятственно лоботрясничать.

Этот небольшой древний народ делился на три основные ветви, получившие несколько смешные названия корневиков, дуплянников и веточников. Первые обитали в глубоких норах под корнями старых деревьев – они-то и были самыми зажиточными, деловитыми и серьёзными из всех. Дуплянники предпочитали одному большому постоянному жилищу несколько отдельных дупел, разбросанных тут и там по лесу. Веточники же вообще не утруждали себя устройством постоянных обиталищ, а кочевали с одного места на другое, нигде подолгу не задерживаясь и ночуя просто в кронах деревьев. Эти проводили всё время в песнях, плясках, всяческих проказах, порой немало досаждая жителям подлесных деревень.

Разумеется, все гости Дор-Вейтарна принадлежали к корневикам.

– В чем дело, почтенные? – спросил он гномов, знаком приглашая их садиться. Из песка, повинаясь жесту сухой загорелой руки, появилось пять невысоких каменных стульев.

Гномы рассаживались неторопливо, блюдя достоинство. Если Ворон хотел чего-то добиться от них, не следовало начинать беседу с собственных просьб.

– По дальним окраинам начали рыскать какие-то воины в чёрном, – откашлявшись, солидно начал один из гномов, самый старший среди них, по имени Вестри. Его густая белая борода была аккуратно подстрижена, коричневатые сцепленные пальцы лежали на коленях, и Дор-Вейтарн заметил слабую дрожь. У старого гнома было явно беспокойно на сердце.

– Воины в чёрном, – продолжал тем временем Вестри. – Пришла весть от самого Нелласа. Люди с мечами. Шарят по окраинам лесов. С ними странные псы – точнее, это вовсе не псы, это духи в образе псов. Они что-то вынюхивают. Мы знаем этих тварей. Они кого-то ищут. Ищут чей-то след. Когда найдут, отправят в погоню Пылевого Демона. А Пылевые Демоны не упустят случая сожрать кого-то из нас, если заметят... Многие встревожены. Мы просим защиты!

Волшебник выпустил несколько колечек дыма из своей трубки, откинувшись на спинку кресла и полузакрыв глаза. Ясно было как день, что оправдались его худшие ожидания. Орден Койаров не тратил времени попусту. Каким-то образом они уже проведали о том, что Трогвара нет в городе. Пока ещё они не связали исчезновение новорожденного принца с именем Эммель-Зорага, иначе чёрные воины уже двигались бы по его следу прямо сюда, к жилищу Дор-Вейтарна. Без сомнений, через день или два койары разберутся, что к чему. Таким образом, самое раннее – к завтрашнему вечеру ему следовало ждать гостей. Что ж, времени у нас хватит. Гномы успеют уйти достаточно далеко, а слугам койаров он, Ворон, устроит достойную встречу.

– Я позабочусь о том, чтобы они не побеспокоили вас, – по-прежнему не открывая глаз, произнёс волшебник. – Но нам придется действовать сообща. У меня здесь младенец. Койары охотятся именно за ним, не стану от вас этого скрывать. Малыша нужно спрятать – и не только спрятать, его нужно вырастить. И лишь когда ему исполнится семь, он уйдёт от вас. Я постараюсь помочь, чем только смогу, моё слово крепкое. Подробности обсудим позже, сейчас самое важное – ваше согласие. Дадите ли вы мне его? Помните, что, если вы откажетесь, силы Зла возрастут многократно – попади Трогвар им в руки. В одиночку я смогу защититься от койаров и защитить вас от них, но если руки мои окажутся связаны ещё и этим ребёнком... – Он сделал выразительную паузу. – Вы мудры и сами сможете принять правильное решение.

– Нам надо подумать, о достойный Дор-Вейтарн, – несколько севшим голосом ответил Вестри, и гномы тотчас склонились друг к другу. До слуха волшебника долетали обрывки торопливых, произнесённых взволнованным шёпотом фраз. Однако Ворон даже не пытался понять, о чём идёт речь. Он просто сидел, наслаждаясь прохладным покоем своей заклинательной пещеры, отчетливо понимая, что схватка с койарами неизбежна. А это значит – пещера, чистый ключ, его мелодичное журчание, мягкий песок, приглушенный зеленоватый свет очень скоро могут исчезнуть без следа. Древние стены промытой водами каверны рухнут, упокоив навсегда под землёй и прах самого Дор-Вейтарна...

Маленький лесной народец совещался недолго. Пришедшие сюда корневики могли говорить не только от своего имени – и приняли решение. Они были согласны.

Пятеро древесных гномов и старый чародей беседовали ещё долго, пока Трогвар сладко спал, погружённый Вороном в волшебный сон с прекрасными сновидениями. Они обсудили многое, их речи касались мира и войны, магии и ведовства, мечей и драконов... многого, что повстречается на жизненном пути мирно дремавшего младенца. Солнце почти что село, когда гномы встали, торжественно и чинно поклонились Дор-Вейтарну и, аккуратно уложив в большую плетёную корзину так и не проснувшегося Трогвара, засемили прочь; эту ночь им спать было не суждено. Вестри остался. Когда небесный пастух погонит в стойла стада бесчисленных звёзд и заря сядет умываться на самом краю громадного земного диска, Трогвар будет уже в безопасности, в далёких, глухих чащобах, куда не сможет добраться ни один Пылевой Демон.

Четверо пришедших в этот заклинательный зал должны были сами донести Трогвара до потайного укывища. Только четверо, потому что пятый, Вестри, оставался здесь, чтобы его народ точно знал, чем кончится поединок Дор-Вейтарна с Чёрным Орденом.

Глава VI

– Что же делать-то нам, госпожа? – пробасил Гар, шмыгая носом и вытирая слёзы. – Убили ведь они и госпожу мою, и господина моего! И меня едва не убили... Что же нам делать-то?

Арьята молчала. Она сидела возле самой воды, обхватив руками согнутые ноги и положив подбородок на колени. Только теперь принцесса поняла, какой страшной силе бросила вызов, – без сомнения, в прошлую ночь её спасло только чудо. Орден Койаров скорее спалит дотла весь Неллас и перебьёт его жителей, чем упустит драгоценную добычу. Оставалось надеяться только на то, что у этого Эммель-Зорага хватит сообразительности как можно скорее покинуть город. И кроме того, из этого следовало, что Арьяте ни в коем случае нельзя и близко подходить к его дому. Лучше всего было бы перехватить старого сэйрава после того, как он выберется за крепостные ворота, чтобы потом идти с ним...

Но, во имя всеильного Ямерта, что делать с этим беднягой Гаром?

– Сиди здесь, – распорядилась принцесса, поднимаясь. – Не трогайся с места, пока я не вернусь.

Великан послушно кивнул. Арьята стала крадучись пробираться обратно к Мусорным воротам... и едва не столкнулась нос к носу с восьмёркой заступивших на стражу мрачных воинов Ордена. Дорога назад, в город, была отрезана.

Почти тотчас появился и ещё один отряд – десятка два затянутых в чёрное мечников. Эти, не задерживаясь, деловито направились в глубь свалки, принявшись методично обшаривать всё вокруг. Похоже, их не смущали ни груды гниющих отбросов, ни ужасающее зловоние.

Принцесса опрометью помчалась назад. Койары показали себя очень быстрыми противниками, и сейчас у Арьяты оставался один-единственный путь бегства – по реке, прочь из Нелласа. Не приходилось сомневаться, что все пристани и набережные также тщательно охраняются.

– За мной, Гар, – только и сказала она великану, входя в холодные речные волны.

Былой слуга Оливии недовольно заворчал, но не посмел послушаться.

Они поплыли. У Гара это получалось плохо, он отчаянно колотил по воде руками и ногами, поднимая целые фонтаны брызг. Арьята скользила, подобно рыбке; в одиночку ей не составило бы труда скрыться, однако из-за великана их заметили с берега.

Надо отдать койарам должное – действовали они молниеносно, без малейшей суеты и неразберихи. Спустя несколько секунд над рекой раздалось звонкое щёлканье арбалетов да злой свист коротких и толстых стрел. Шестеро воинов Ордена молча бросились в реку и поплыли вслед за беглецами.

Стрелы вспарывали воду возле самой головы принцессы. Койары стреляли с редкой меткостью и быстротой; Арьята поняла, что воины в чёрном не хотят убивать её, стремясь взять живьём. Завеса стрел отрезала дорогу дальше по реке, и теперь плывшим вдогон слугам Ордена оставалось лишь схватить

беглянку...

– Госпожа! – захлёбываясь, проревел Гар. – Плыви, госпожа! Я задержу!..

Резко согнувшись в пояснице, Арьята мощным гребком ушла в глубину. Перевернувшись на спину, она уцепилась за пояс Гара, заставляя его тоже погрузиться.

Это было очень нелегко – тащить великана под водой, давая ему лишь изредка вдохнуть воздуха. Сама Арьята показывалась на поверхности вдвое реже. Сворачивая то вправо, то влево, сносимые течением, они отплывали от стрелков всё дальше и дальше. Шестеро преследователей настигли принцессу с Гаром уже почти у самого берега.

Великан совершенно не интересовал чёрных воинов. Однако, чтобы добраться до Арьяты, им надо было сперва справиться с ним.

Вода забурлила и вспенилась. В руках койаров мелькнули короткие блестящие мечи, однако великан, почувствовав под ногами дно, сражался с небывалой яростью. Койары попытались кинуться на него сразу все вместе, со всех сторон; один оказался чуть более проворным, он опередил остальных, но лишь для того, чтобы его шея хрустнула под железными пальцами великана. Пена вокруг сцепившихся побагровела – клинок умирающего койара оцарапал плечо Гара, но великан, захлёбываясь, успел разmozжить голову ещё одного нападавшего, прежде чем два других меча вонзились ему в руку и в бок.

Горечь и жгучая, неведомая доселе ненависть мощной волной обрушились на Арьяту. Только на один миг мелькнул перед ней взор тонувшего Гара, и стилет словно сам вспрыгнул ей в руку.

Она вновь нырнула и открыла под водой глаза. Прямо перед ней ко дну медленно шёл громадный бесформенный ком, оставляя за собой тёмно-багровые полосы. Ком дергался, словно бьющееся в агонии животное, время от времени мелькала чья-то рука с кинжалом, клинки погружались в тело Гара, однако великан, сгребя в охапку всех четверых противников, похоже, твёрдо решил расстаться с жизнью только вместе с ними.

Арьята метнулась к борющимся, точно стремительная выдра, и, прежде чем заметивший её воин Ордена успел высвободить руку для защиты, стилет погрузился ему в шею. Второй враг попытался отмахнуться ножом, лезвие задело предплечье принцессы, однако её клинок дошёл до сердца противника.

Вода вокруг стала совсем непроглядной от крови. Едва ли не ощупью Арьята, уже задыхаясь, отыскала третьего койара и холодно, без колебаний, вогнала в тело оружие на всю длину, словно была она не утончённой принцессой, а старым, выдавшим тысячи смертей циничным наёмником. Ей казалось, что она убивает не людей, а давит каких-то отвратительных, смертельно опасных насекомых.

Нехватка воздуха вынудила её рвануться вверх, и тут Гар яростным, поистине запредельным усилием стиснул в смертельных объятиях последнего врага, ломая ему кости. Два так и не расцепившихся противника опустились на дно...

У принцессы не было времени оплакивать погибшего великана. Она понимала, что, появившись она на поверхности, койары уже не потеряют её из виду.

Она поплыла под водой, пока перед глазами не замелькали красные и зелёные круги. У противоположного берега – она знала – были заросли тростника. Она была обязана добраться до них так, чтобы не заметили койары. Девушка надеялась, что оставшиеся возле свалки воины Ордена поверят в то, что она утонула вместе с остальными...

Пальцы рук нашарили илистое дно. Берег был совсем рядом; цепляясь за осклизлые коряги, принцесса почти ползла, наполовину теряя сознание от нехватки воздуха. Она изо всех сил боролась со жгучим и неотвязным желанием выскочить, вдохнуть полной грудью, бегом броситься прочь от страшной реки, только что упокоившей в себе семерых, и всякий раз, когда, казалось, ей уже не выдержать больше, словно чья-то невидимая рука подносила к её глазам Четыре Камня Халлана; в её видении самоцветы дивно и величественно лучились мягким переливающимся огнём, и свет их помогал противостоять безумию.

Она выдержала. Едва-едва захватывая воздух губами – для чего ей приходилось переворачиваться на спину, – принцесса проползла среди острых листьев высокого тростника и осторожно, почти не дыша, выбралась на пологий берег. Вжалась в песок и осталась лежать неподвижно.

Она боялась пошевелиться, не говоря уже о том, чтобы подняться и посмотреть, чем же сейчас заняты койары на противоположном берегу; холод пробирал до костей, мокрая одежда липла к телу, жадно высасывая последние остатки тепла. Арьята вдруг поняла, что если она не согреется, то просто умрёт – умрёт прямо сейчас, на этом самом месте; только теперь она решилась оглянуться.

Там, вдали, у самой кромки воды, стояли десятка полтора воинов в чёрном, держа наготове арбалеты, и ещё пятеро на небольшом плоту торопливо отпихивались от берега. Арьята ужом поползла вперёд.

Ей вновь повезло. Здесь в реку впадал небольшой ручей, текущий в глубоком овраге с высокими и обрывистыми склонами; Арьята незамеченной скользнула в его устье. Здесь уже можно было выпрямиться – и бежать, бежать что есть духу, так, чтобы ветер свистел в ушах!.. Бежать, чувствуя, как живительное тепло вновь возвращается в онемевшие от холода руки и ноги, бежать, пока сердце не начнёт вырываться из груди!..

Запыхавшись вконец, принцесса остановилась. Остро болел бок; девушка задыхалась. Теперь – быстрым, размашистым шагом вперёд, как можно дальше от реки, как можно дальше! Время от времени она останавливалась и прислушивалась, нет ли погони, хотя прекрасно понимала, что койары если и будут гнаться за ней, то она наверняка ничего не услышит до самого последнего момента. Арьята старалась бежать по ручью, надеясь не оставить следов; однако затем принцесса подумала, что именно этого койары и будут ожидать от неё. И потому, заметив справа от себя спускавшийся почти к самому руслу чистый травяной склон, решительно свернула, выбравшись прочь из оврага. Оглянувшись, она вздохнула с некоторым облегчением – примята было ею короткая трава уже распрямилась.

Не сбавляя шага, принцесса двинулась куда глаза глядят, подальше от реки, в самую глубь леса. Ей пришлось пробираться густым и мокрым чернолесьем, кое-как отыскивая дорогу в непролазных зарослях. Остановилась она, лишь почувствовав, что больше не может сделать ни шагу, хотя бы весь Орден Койаров во главе с его страшной предводительницей гнался за нею по пятам.

Принцесса очутилась на сухом и довольно высоком холме с длинными и пологими склонами. Его покрывали величественные дубы; мокрые ивняки и болотины остались позади. Здесь же лесные гиганты спокойно и величаво возносили к самым облакам свои могучие руки-ветви; их листва беззаботно

перешёптывалась о чём-то под лёгким ветерком; могучие корни утопали в мягкой и длинной траве, так и тянувшей прилечь вконец измученную Арьяту.

И тут силы действительно оставили принцессу – вспомнилось, что за последние сутки она, раньше не обидевшая и мухи, убила ни много ни мало пятерых – пятерых людей, таких же, как она, смертных, ходивших с нею по одной земле и дышавших одним воздухом. Впервые в жизни Арьята обагрила руки человеческой кровью – эта мысль только теперь добралась до её сознания.

Принцессу затрясло. Девушка изогнулась в мучительном спазме, исходя кровавой рвотой. Ей казалось, что тени убитых воинов обступают её, протягивают длинные бесплотные пальцы, стремясь утащить с собой, в области Серых Стран, где, говорят, каждый убийца, встречаясь со своими жертвами, должен будет держать ответ за содеянные им преступления... От всего этого Арьята лишилась чувств.

* * *

Дор-Вейтарн и гном-корневик Вестри не теряли времени даром. Старый волшебник, как мог, рассказал о причинах тревоги, и в глубь владений невысокого весёлого народца полетел грозный приказ – рассыпаться и затаиться! У Ворона и в мыслях не было втягивать лесных гномов в эту свару – он был не настолько наивен, чтобы недооценивать воинов Чёрного Ордена и полагать, будто вооруженные крошечными луками и пращами Древесные жители способны противостоять великолепно обученным, свирепым и безжалостным бойцам-койарам. Кроме того, такой неожиданный отпор обязательно насторожил бы предводительницу Ордена, а ей, увы, нельзя было отказать ни в уме, ни в проницательности. Она наверняка догадалась бы связать стрелы гномов и исчезновение Трогвара – а тогда Древесный Люд ожидала бы печальная участь.

У Ворона и Вестри была совершенно иная цель – уверить койаров, что Трогвар именно здесь, заставить предводительницу бросить в бой все силы, а потом изобразить притворное бегство старого волшебника с таким расчётом, чтобы воинам Ордена достался лишь обугленный поддельный труп ребёнка.

Однако само собой разумеется, что нелишними оказались бы и волчьи ямы, и самострелы-ловушки, и спрятанные в кронах деревьев ловчие сети, и

подвешенные над тропами тяжёлые бревна... увы, времени на это уже не было. Дор-Вейтарн старательно крепил свои магические средства защиты.

Это потребовало огромных сил; наконец всё, что можно, было сделано.

– Ты отослал своих, Вестри? – устало опускаясь в своё любимое покойное кресло возле зева печи-камина, спросил Ворон, закурив свою неизменную трубку. – Они должны уйти как можно дальше. И тебе тоже следует поторопиться!

– Куда ж мне торопиться, мне спешить некуда, – проворчал Вестри, скинувший добротный кафтан и сейчас протиравший клинок своего длинного кинжала. Рукоять была нарочито неказистой, зато сталь клинка отливала голубым – оружие наверняка вышло из горнила истинных, горных гномов. Раньше Дор-Вейтарн никогда не видел у Вестри подобной вещи. – Мне спешить некуда, – тем временем продолжал тот, не поднимая глаз от своей работы. – Я с тобой останусь, почтенный Дор-Вейтарн, это уж ты как хочешь, бранись не бранись, а нельзя тебе, почтенный, одному против этой чёрной нечисти выходить. – Когда они остались одни, гном отбросил высокопарные обороты и заговорил по-простому.

Старый волшебник только покачал головой.

– От тебя же никакой пользы, кроме вреда, Вестри, – напрямик сказал он. – С койарами простым железом не справиться! Луки и стрелы тут тоже не помогут. Ты только понапрасну погибнешь, потому что я не смогу защитить тебя как должно, а малефики Ордена, овладев твоим телом, могут заставить твою руку ударить меня в спину. Понимаешь? Я не сомневаюсь в твоей храбрости, но когда готовишься драться насмерть... – Ворон покачал головой. – Прошу тебя – не упрямясь. Твоему народу ты нужен куда больше, нежели здесь.

Вестри презрительно скривился, хмыкнул, пожал плечами – однако в конце концов подчинился.

– Ладно, почтенный, – нехотя пробурчал он, накидывая свой кафтан. – Ты, вестимо, колдун, тебе, конечно, оно виднее. Да только зря, по-моему, ты меня отсылаешь! Никто не ведает, как оно тут ещё повернуться-то сможет...

– Вестри, у тебя дело тоже куда как важное, – с укором заметил волшебник. – Торопись! Пока ещё до своих доберёшься.

Грустно и молча покивав, маленький гном, которого с куда большим основанием можно было бы назвать просто карликом, опустил голову, надвинул капюшон и скрылся за деревьями.

Волшебник остался один. Задумчиво играя угасающей трубкой, он вновь и вновь вспоминал, сделано ли всё необходимое и не забыл ли он чего в поспешности. Во всей деревне больше никого не было – волшебство погрузило всех прочих обитателей в глубокий сон, на дома наложено было самое мощное из известных защищающих от огня заклинаний, не забыли также и скотину... Селение могло встретить врага. Оставалось только ждать.

Это оказалось самым трудным. Ворон не привык сидеть сложа руки, пока враг сам не найдёт его; старый волшебник уже давно разработал изящную систему дозорных заклятий, однако ещё ни разу не имел повода пустить её в ход. И даже сейчас он колебался – настолько велик был соблазн хоть что-то узнать о своих противниках, хотя Дор-Вейтарн и понимал, что этого нельзя делать ни в коем случае.

Он ждал. Время в заклинательной пещере шло очень медленно, по песчаному полу едва-едва ползли пятна солнечного света, пробивавшегося сквозь специально оставленное отверстие в кровле. Дор-Вейтарн молча сидел в своём каменном кресле; со стороны могло бы показаться, что старый волшебник попросту дремлет.

Однако это было далеко не так. Старик вел нелёгкий разговор с собственной совестью, сурово укорявшей его за то, что он, по сути дела, отправил на смерть своего близкого друга, пожалуй, своего единственного друга, оставшегося у Ворона после долгих лет затворничества. Не требовалось особых умственных усилий, чтобы понять – Орден уже наверняка прочесал весь Неллас. И если им удалось связать отсутствие старого сэйрава с наймом им кормилицы, также покинувшей город вместе с ним, то участь Эммель-Зорага решена. Поразмыслив, Дор-Вейтарн уже было решил послать весть своему другу – план изменился, в город возвращаться не следует, надо искать иное убежище, – однако вновь передумал. Пылевой Демон легко отыщет Эммель-Зорага, где бы тот ни прятался. Защититься от него старый сэйрав всё равно не сможет, несмотря на то, что когда-то тоже обучался магии. А из этого следовало, что ему, Дор-

Вейтарну, надлежит сделать так, чтобы койары сами нашли его, Ворона, и как можно скорее, пока Эммель-Зораг с ни в чём не повинной кормилицей, которой вообще не было никакого дела до всех этих высоких материй, не возвратился в город. Малефики Ордена могли оказаться и ещё хитрее, чем полагал Ворон, но в любом случае ему придётся драться. Что ж, будь что будет – он готов ко всему.

Новый план нужно было осуществить немедленно. И Ворон несколькими несложными заклинаниями направил свою мысль к тем лесным окраинам, где, по словам гномов, уже хозяйничали слуги Чёрного Ордена.

Он быстро смог убедиться, что гномы не преувеличивали. Внутреннему взору волшебника предстали многочисленные воины койаров, без усталости рыскавшие по перелескам и оврагам. С ними были, как мрачно отметил про себя Дор-Вейтарн, и Сыщики – создания малефиков, наделенные способностью не только слышать и чувствовать вдесятеро острее любых других существ, но и вдобавок видеть отражения астральных двойников тех, кто проходил по тому месту, где находился Сыщик. Причём побывавших здесь не только что, а и неделю назад, и десять дней назад.

Итак, Орден в поисках. Но, похоже, они ищут вслепую, сами не ведая что. Если бы это было не так, за работу уже взялись бы Пылевые Демоны или иные столь же могущественные существа, коих с избытком сотворили изощрённые в злодействах умы колдунов, принявших сторону Ордена и ставших уже не просто колдунами, не просто волшебниками, но злобными малефиками, что на языке Людей как раз и означает чародея, сознательно творящего зло.

Орден в поисках. Ну что же, пора напомнить о себе, если предводительницы этого страшного детища Мрачных Лет забыли, кто такой Ворон Халлана!

Руки волшебника теперь двигались с быстротой играющего сложный пассаж менестреля. Чтобы его вмешательство выглядело наиболее естественным, ему следовало найти того, за которым в настоящий момент гнались бы койары, и помочь этому несчастному; а в том, что такой отыщется, Дор-Вейтарн не сомневался. Воины Чёрного Ордена предпочитали схватить сто совершенно ненужных им людей, чем упустить одного, являющего собой хоть какую-то ценность для их предводительницы.

* * *

Арьята не тешила себя спасительной ложью, что ей удалось окончательно сбить с толку преследователей. Она понимала, что койары заплатят любую цену, чтобы только захватить её, её и Четыре Камня Халлана. Предводительница могла отдать всех рядовых воинов и даже всех таких, как Фельве, ради обладания этими сокровищами. Если правда то, о чём намёками упоминала Ненна... и о чём втихомолку шептались доверенные слуги отца... тогда койары действительно заплатят любую цену. И тогда никто уже не сможет помешать им владычествовать над всем Халланом.

Погоня и в самом деле вскоре обнаружила себя, хотя вернее будет сказать, что Арьяте ясно дали понять, где эта погоня и куда сейчас направляется. Девушка, разумеется, не могла долго размышлять над всем происшедшим с ней той страшной ночью в Нелласе, и она так и не ответила даже самой себе на вопрос: откуда в её руке взялся Призрачный Меч, дважды спасший ей жизнь? Кто подсказывал ей дорогу во время ночного суматошного бегства по нелласским улицам? Кому – невидимому, но явно очень могущественному – оказалась небезразлична её судьба? Арьята не находила ответов, она просто приняла случившееся как есть и потому не удивилась снизошедшему на неё странному видению.

Сперва во мрак её забытья пробился чей-то вкрадчивый, но располагающий к себе Голос. Он произносил какие-то слова, они складывались в образы, и Арьята вдруг увидела сперва берег реки, разложенные на песке тела шестерых воинов Чёрного Ордена и тело бедолаги Гара, что погиб, защищая её; потом видение изменилось. Дальше Голос стал описывать какие-то лесные тропки, овраги, приметные деревья – и повсюду там принцесса видела воинов в чёрном. В её сознании словно бы появлялась подробная карта этого леса – в самой середине её лежала Арьята, а вокруг неё уверенно и неумолимо стягивалось кольцо врагов. Девушке показалось, что она даже видит пока ещё свободную дорогу, по которой сможет ускользнуть... Принцесса неосознанно постаралась запомнить это место получше – и тут кто-то осторожно тронул её за руку.

Она вскочила словно подброшенная, ей показалось, что коснувшиеся её пальцы были раскалены, будто только что вынутая из горнила сталь; рука Арьяты сжала стилет. Принцесса не могла долго разглядывать, кто сейчас оказался перед ней, страх подсказал единственное решение, и она замахнулась тускло блеснувшим клинком.

– Остановись, безумная! – услышала она молодой и мелодичный женский голос.

Сильная и ловкая рука перехватила в воздухе кисть Арьяты, попытавшись выбить из неё оружие; развернувшись в сторону, девушка споткнулась о торчавший из земли корень дуба и упала навзничь.

– Остановись, я не сделаю тебе ничего плохого, – услышала она. Теперь в голосе говорившей сквозили неприкрытые изумление и обида. – Ты даже не захотела взглянуть, кто перед тобой!

Арьята с трудом подняла голову, ожидая увидеть мрачную, обтянутую чёрной одеждой фигуру. Однако перед ней стояла невысокая, очень стройная молодая девушка, наверное, не старше пятнадцати лет, облачённая в просторный изумрудно-зелёный плащ, стянутый на немыслимо тонкой талии узким поясом из искусно пригнанных друг к другу зеленоватых самоцветных камней. Зелёными были и длинные волосы гостыи, заплетённые в две толстых косы, перекинутых на грудь. Изящные руки держали небольшой белый жезл с навершием в виде раскидистого дерева. На принцессу в упор смотрели два нечеловечески огромных глаза со странными зелёными кругами вокруг чёрных зрачков. Тонкие бледные губы были плотно сжаты.

– Ты даже не посмотрела, кто перед тобой, друг или враг, – вновь с упрёком повторила незнакомка.

Её нельзя было заподозрить в принадлежности к Чёрному Ордену, и Арьята заколебалась.

– Нет, погоди, ничего не говори, ты измучена и обессилена, – вдруг быстро произнесла странная девушка, на мгновение взглядевшись в Арьяту попристальнее. – Прости меня, я слишком скоро стала судить тебя, а прежде чем спрашивать, мне следовало...

Закусив губу, точно от досады, незнакомка мягко опустилась на колени возле головы лежавшей Арьяты и осторожно провела ладонями по щеке принцессы – легко, словно лаская. К изумлению принцессы, усталость и боль, головокружение тотчас оставили её, сознание вновь стало ясным и чистым, даже горечь утраты родных, всё время терзавшая сердце, на время отступила.

– Я Наллика, Дева Лесов, – представилась незнакомка, с удовлетворением от хорошо выполненной работы взглянув в прояснившиеся глаза Арьяты. – Я из рода эльфов, но давно уже служу Великой Ялини, Владычице Зелёного Мира: я состою в её свите. Здесь роща, когда-то посаженная самой богиней; я должна присматривать за лесом время от времени. Но расскажи же, что случилось с тобой!

– Наллика... Дева Лесов?! – Арьята вздрогнула. Впервые в жизни она оказалась лицом к лицу с Магическим существом, да ещё из свиты самой Ялини, одной из Семи Молодых Богов. Невольно принцесса сделала движение, точно пытаюсь отползти назад.

– Ты боишься меня? – Наллика даже рассмеялась. – Ты боишься меня? Но ведь, как и ты, я вышла из материнского чрева; и вся та магия, о которой ты, наверное, подумала, – это всего лишь знание, причём направленное только на доброе. Лечить, растить, обучать... Оставь свои страхи и скажи мне, как тебя зовут и что с тобой происходит!

– Разве... разве ты не знаешь? – с трудом выдавила из себя Арьята. Отчего-то эта Наллика пугала её куда сильнее, чем все воины Чёрного Ордена, вместе взятые. Было что-то неживое в этой совершенной красоте, огромные глаза казались вделанными в гипсовую маску драгоценными камнями.

– Конечно, нет, откуда бы я могла это узнать? – терпеливо, словно разговаривая с непонятливым ребёнком, втолковывала девушке Наллика. – Мы не читаем ваших мыслей – этим занимаются лишь злые колдуны. Мы узнаём лишь то, что человек, если только он не закоренелый лиходея, сам хочет сказать нам и произнести вслух. Я только чувствую исходящую от тебя тревогу.

– За мной гонятся, – выдохнула Арьята. – Чёрный Орден, койары.

– Койары? – Брови Наллики дрогнули и поползли вверх. – Зачем?

– Потому что... – начала было принцесса и осеклась, мысленно сто раз обругав себя последней дурой. Ведь она говорила с Перворождённой! А кто, как не они, прекрасные эльфы, замыслили весь тот заговор, после которого отец лишился трона и им пришлось спасаться бегством, приведшим всю семью прямиком в роковой дом старого Гормли?! – Так уж вышло, – пробурчала в конце концов

Арьята и, не придумав ничего лучше, отвернулась.

– Дело твоё, не хочешь – не говори, – пожала плечами Наллика. – Но так я не смогу помочь тебе.

– Почему? Разве того, что за мной охотятся койары, не достаточно? Или ты, о Наллика из свиты Владычицы Зелёного Мира, думаешь, что я лгу? – В голосе Арьяты звучало истинно королевское достоинство.

– Нет, – покачала головой Перворождённая, опускаясь на землю рядом с сидевшей принцессой. – Но Великая Ялини не вмешивается в дела людей – равно как и в дела эльфов, гномов и прочих народов Большого Хьёрварда. Зелёные растущие создания – вот те, о ком она заботится по-настоящему. Я не властна воевать с койарами, хотя и знаю, что хорошего в этом Ордене мало. Я могу помочь тебе, исключительно только тебе, потому что ты попала в беду именно в моём лесу, в моей заветной роще. – Она обвела рукой вокруг себя. – И потому, если ты расскажешь мне, в чём дело, я, быть может, смогу выручить тебя.

Арьята всё отчётливей и отчётливей ощущала приближение преследователей. Конечно же, все её детские уловки и попытки сбить их со следа ни к чему не привели. Прочесав близлежащие леса, широкая ловчая сеть чёрных воинов охватывала свою жертву со всех сторон. Ощущение было такое, что кто-то всевидящий, взирая сверху на всё происходящее, рассказывает Арьяте обо всём, что предстает его взору.

– Они уже близко. – Принцесса поднялась. Спасибо этой Наллике уже и за то, что сняла усталость.

– Я бы на твоём месте не уходила из моей рощи, – задумчиво проговорила Дева Лесов. – Я узнала тебя. Ты Арьята, высокородная принцесса Халланская. И хотя я не понимаю, почему ты молчишь, я помогу тебе. В пределах круга этих дубов, моих добрых друзей, ты под моей защитой.

– А потом? – в упор спросила Арьята. – Я ведь не просижу здесь всю жизнь!

– Милосердная Ялини, моя повелительница, собиралась заглянуть сюда на исходе этой осени, – ответила Наллика. – Я надеюсь, ей ты не станешь перечить, смертная?!

– На исходе осени?! – не поверила своим ушам Арьята. – Нет! Я не стану сидеть здесь сложа руки, в то время как... – Она вновь остановила себя.

– Содейть большее – не в моих силах. – В голосе Наллики слышалось неподдельное огорчение. – Но как, ответь, мне помогать той, которая сама боится меня?

– Ещё бы тебя не бояться! – не выдержала Арьята. – На троне моего отца, на моём троне сидит какая-то Владычица, наполовину эльф по крови, и я знаю, что Перворождённые помогали ей!..

Наллика нахмурилась.

– Это дело тех эльфов, что ещё остались в Западном Хьёрварде, – покачала она головой. – Не мне их судить, мы в людские дела не вмешиваемся. Одно могу сказать тебе, принцесса Арьята: Перворождённые никогда и ничего не делают зря. Раз они сочли нужным вмешаться, значит, они имели очень веские причины!

– Слова, слова, одни лишь красивые слова, – сквозь зубы процедила Арьята.

Эта Наллика говорила с ней, законной наследной принцессой Халлана, которая в свой черёд стала бы королевой, точно мудрый старец с только-только выучившимся говорить ребёнком. Ненна, бывшая наставница, быть может, и смогла бы втолковать гордой принцессе, что Наллика и в самом деле имела право так говорить – ну хотя бы потому, что годами превосходила Арьяту на добрую тысячу лет.

– Я понимаю твою горечь и боль, ведь вмешательство Перворождённых затронуло тебя непосредственно, – кивнула Наллика. – Но подумай: быть может, громадному большинству простых обитателей Халлана стало легче? Не в том ли состоит первейший долг правителя – облегчить жизнь тем, кто живёт под твоей рукой?

Арьята ничего не ответила. Её охватывало странное равнодушие; и разве можно было представить раньше, чтобы она вот так сидела бы рядом с настоящей Перворождённой и молчала, тупо глядя в землю? Она бы уже засыпала Наллику вопросами, а теперь ей всё это совершенно безразлично. Койары будут здесь

совсем скоро.

Очевидно, Наллика тоже почувствовала неладное. Внезапно поднявшись, она грациозно, точно лань, подбежала к ближайшему из дубов; прижавшись щекой к толстой морщинистой коре, Дева Лесов как будто прислушивалась к идущему из глубины ствола голосу. Когда она вновь повернулась к Арьяте, лицо её было тревожно.

– Они уже совсем близко, – негромко, словно обращаясь к себе самой, произнесла Наллика. – Посмотри на них, принцесса Арьята, если хочешь... Загляни в этот ключ!

Посреди небольшой лужайки из-под земли и впрямь выбивался звонкий родничок. Невольно повиновавшись голосу Наллики, Арьята склонилась над чистой поверхностью воды.

Сперва она не увидела ничего странного, кроме танцующих на дне песчинок; однако затем по воде пробежала внезапная рябь, и перед глазами принцессы появились пятеро воинов Ордена, крадущихся вдоль каких-то кустов в сопровождении омерзительного здоровенного паука. Спустя мгновение Арьята узнала место – койары шли по пологому склону прямо к заветной дубовой роще. Сердце у неё оледенело, рука судорожно стиснула рукоятку стилета. Девушка лихорадочно пыталась вспомнить, каким образом удавалось вызвать себе на помощь призрачный меч...

Наллика некоторое время стояла неподвижно, опустив голову, точно в глубоком раздумье. Вокруг них всё оставалось безмятежно тихо, даже чуткие сороки не поднимали своего всегдашнего галдёжа, как обычно случается, когда по лесу ломится человек. Койары умели пробираться бесшумнее и незаметнее рыси.

– Они уже здесь, – ни к кому не обращаясь, произнесла Арьята. Она понимала, что окружена и что ей не уйти – в роднике появились ещё пятеро слуг Ордена, подбиравшихся к роще с другой стороны.

Принцесса медленно поднялась. Она не собиралась убежать и прятаться. Что ж, если такова её судьба – она падёт здесь, но падёт так, как достойно истинной королевы Халлана, каковой она наверняка уже могла считать себя, – если властитель престола исчезает бесследно, до его возвращения власть всё равно

переходит к прямому наследнику – к старшему из детей королевской семьи, независимо от того, принц это или принцесса.

Арьята не видела, что Наллика с неподдельным интересом наблюдает за ней. Девушка погружалась в странное оцепенение, в тот самый транс, что спас её в доме Гормли. Она просто стояла, привалившись спиной к дубу, и ждала.

* * *

В окружавших Неллас дремучих лесах и впрямь который уже день творилось что-то неладное. Дор-Вейтарн быстро смог отыскать причину – заклятье, направленное на поиск ненавидящего койаров человека (по отражениям его мыслей в астральном двойнике), тотчас явило его внутреннему зору видение – через непролазный бурелом пробиралась девушка в простой, даже бедной, тёмной одежде. Лицо её, исхудавшее, с ввалившимися щеками, и голодный блеск в глазах говорили, что она не ела уже по крайней мере три дня. Она изо всех сил путала следы, забираясь в самые глухие уголки чащоб, не боясь ни зверей, ни прочих малоприятных обитателей лесных глубин, например, таких, как Пущевые хеды, которые никогда не упускали случая полакомиться человечинной, – однако перед этой девушкой вся нечисть разбежалась, словно услышав за её спиной грозные шаги самого Ямерта. Впрочем, койаров, целая свора которых вкупе с Сыщиками и Пылевыми Демонами преследовала юную беглянку, это, похоже, не останавливало.

Увидев всё это, Дор-Вейтарн, признаться, едва не лишился чувств от изумления. Орден бросил против одной-единственной девчонки такие силы, которых в иные времена хватило бы, чтобы привести к покорности доброе королевство, содержащее на службе целые отряды колдунов и чародеев. Дор-Вейтарн ничего не понимал в происходящем. Если беглянка уже известна Ордену – для чего воины-люди, если достаточно одного-единственного Пылевого Демона? А если такого Демона недостаточно, то кто же, во имя пресветлого Ямерта, эта девчонка?!

Ворон теперь не скрывался, и он позволил себе удовлетворить жестоко терзавшее его любопытство, отыскав в Астрале то, что произошло с этой необыкновенной девушкой несколько дней назад...

Глава VII

Хорошо запомнив преподанный им в Нелласе кровавый урок, воины Чёрного Ордена больше не хотели рисковать. Они приближались очень медленно и осторожно, сопровождаемые существами, куда лучше людей умеющими ловить, обезоруживать и связывать пленников. Сыщики сражались ничуть не хуже, чем отыскивали давно выветрившиеся следы намеченных жертв. Койары невидимками ползли в невысокой траве, ловко, как белки, перемахивали с ветки на ветку в древесных кронах, их подручные – пауки – Сыщики готовили ловчую снасть – клейкие и прочные паутиновые нити, точнее – верёвки, каждая толщиной в руку взрослого мужчины. И Сыщики, и воины, конечно же, чувствовали, что перед ними не простая роща, – магия этого места была неприятна им, однако жестокий приказ их предводительницы не оставлял никаких надежд избежать боя – пленницу должно взять любой ценой и как можно скорее. Если они не справятся, то жизни их более не будут нужны Ордену.

Арьята стояла с закрытыми глазами, погрузившись в небывалое оцепенение. Всем существом своим желая сейчас приближения этих тварей в чёрном, она тянула их к себе всей силой своего сознания. Правая рука висела вдоль бедра; в левой Арьята сжимала стилет. Она не думала сейчас о Наллике, вроде бы обещавшей ей защиту, а теперь спокойно стоявшей неподалеку – руки скрещены на груди – и с каким-то странным интересом взирающей на происходящее; мысленно принцесса представила себе призрачный серебристый клинок заветного меча, строгий холод его резного эфеса, его уверенную тяжесть, его скрытую до времени смертоносную силу. Смыслом её существования сейчас стало вызвать к жизни этот меч.

Койары подобрались бесшумно. Вскарабкавшиеся на ветви дуба, под которым стояла замершая Арьята, Сыщики все разом метнули вниз свои липучие серые нити.

Словно чья-то сильная рука внезапно и резко толкнула девушку в плечо, заставив шагнуть вперёд за долю мгновения до того, как густое переплетение ловчих сетей упало на то место, где только что стояла Арьята.

Чёрные воины не торопились. Прежде чем вступить в бой самим, следовало до конца использовать пауков, тем более что их вообще никогда не берегли и всегда гнали на бой.

Наллика по-прежнему не шевелилась; и странное дело, ни один из койаров даже не покосился в её сторону, словно её и не было.

Сыщики дружно прыгнули вниз, на лету готовясь вцепиться в жертву всеми многочисленными когтями и крючьями, коими их в изобилии снабдили создатели.

Не открывая глаз, Арьята резко повернулась. Оттуда, из-за спины, на неё бросилось нечто совершенно омерзительное, не имеющее даже права жить, отвратительная нечисть, созданная злобным чародейством; принцесса что есть силы взмахнула правой рукой, как будто рубила подступающего сзади противника. Ей показалось, что ладонь холодит долгожданная тяжесть волшебного эфеса.

У стоявшей поодаль Наллики вырвался невольный крик ужаса. Из руки странной смертной, забредшей в её волшебную рощу, вырвался язык яростного серебристого пламени. Падавшие сверху Сыщики достигали земли уже разрубленными надвое безжизненными горами дурно пахнущего окровавленного мяса.

Арьята двигалась словно во сне, не открывая глаз, не чрезмерно быстро, однако каждый шаг и каждый взмах следовали именно в тот миг, когда нужно, ни секундой раньше и ни секундой позже; бросившихся к девушке пауков встретил убийственный серебряный блеск странного оружия.

Даже с закрытыми глазами Арьята видела всё происходящее, как и обычно. Пауки казались неуклюжими увальнями, которые сами напарывались на её меч. Не прошло и пяти секунд, как у ног принцессы валялось не меньше дюжины мёртвых страшилищ.

– Ялини! – У Наллики вырвался отчаянный крик, словно увиденное уже не просто изумило, а до крайности напугало её.

* * *

– Ну, подходите! – поворачиваясь к зарослям у себя за спиной, яростно выкрикнула Арьята. Теперь она чувствовала себя неуязвимой, принцессу захлестнул дикий боевой азарт, все мысли о том, как ужасно убийство, без следа исчезли из её головы. Сейчас она хотела одного – крови своих врагов.

Койары, однако, не растерялись. Они не видели призрачного меча в руке могущественной волшебницы – за кого они теперь вполне серьёзно принимали Арьяту – и потому решили, что она сразила их Сыщиков каким-то неведомым колдовством. С чародеями следовало, во-первых, держаться осторожно и, во-вторых, предоставить им возможность сражаться с такими же порождениями магии.

В воздухе свистнула первая арбалетная стрела, нацеленная в ногу принцессе, и прежде чем девушка успела даже подумать о чём бы то ни было, её правую руку с силой дернуло вниз. Ударившись в невидимую для врагов серебристую сталь клинка, чёрная стрела вспыхнула быстрым бесцветным пламенем и исчезла. Арьята даже не поняла, что произошло.

Прежде чем остальные арбалетчики нажали на спусковые крючки, на краю поляны появилось ещё одно существо. Оно не имело четких очертаний, более всего походя на редкое облако пыли, невесть откуда взявшейся среди густой лесной травы. Облако быстро поплыло прямо к принцессе.

Арьята прыгнула вперёд, совершенно не ожидая от себя подобной доблести. Впрочем, особой смелости от неё сейчас и не требовалось. Она услышала внятный и повелительный приказ – встретить Пылевого Демона (откуда-то извне пришло и имя этого создания) посреди поляны.

Серо-бурий клуб рассекла стремительная серебряная молния. Арьята ударила, точно опытный мечник, – и тело Пылевого Демона, против которого бессильно было любое оружие, даже многое из числа зачарованного, исчезло без следа.

Этого воины Ордена никак не ожидали. Самый надёжный их помощник оказался бессилён, и сами они не рискнули предложить Арьяте открытый бой. Вместо этого вновь раздалось слитное щёлканье десятков арбалетов.

Принцесса бросилась ничком, лишь на долю мгновения опередив посланные в неё чёрнооперённые тяжёлые болты. Подобное вряд ли смог бы проделать даже самый лучший воин Халлана – вся земля вокруг девушки была утыкана короткими и толстыми древками вонзившихся стрел, но саму принцессу не задело.

И тут начала наконец действовать Наллика. Трудно сказать, отчего она так долго оставалась лишь сторонним наблюдателем; да и всё последующее объяснить также нелегко.

– Вон из моего леса! – внезапно воскликнула она, высоко вскидывая руки над головой в повелительном жесте. Уткнувшись лицом в сгиб руки, Арьята не видела, что сделала Дева Лесов дальше, но стебли трав, на которых лежала принцесса, внезапно стали жесткими и колючими, словно стальные кинжалы. Они протыкали одежду, всё настойчивее и настойчивее стремясь вонзиться в тело девушки.

Лежать стало невозможно.

– Эй, что ты делаешь?! – не своим голосом вскрикнула принцесса; из глубокого пореза на плече уже сочилась кровь. – Ты же обещала помочь!

– Я и так помогаю тебе, несчастная! – Голос тонкой, стройной Наллики прогремел громовым раскатом. – Беги, пока твои враги на ножах травы! И рассчитывай потом только на себя! Я не потерплю в моих владениях богомерзкое оружие!

У Арьяты не было времени для подробных расспросов. Она опрометью бросилась прочь, мимоходом заметив корчащегося на земле койара, из груди которого точно копьё торчал длинный зелёный стебель, у основания испачканный кровью.

Промчавшись по склону холма, Арьята с разгону врезалась в густой орешник и постаралась как можно быстрее углубиться в него.

* * *

Все это открылось в видении Дор-Вейтарну; и теперь первейшим его долгом стало не только защищать младенца Трогвара, но и спасти наследную принцессу Арьяту, нынешнюю главу Королевского Дома Халлана. Девушка каким-то чудом пять дней ускользала от погони, хотя оторваться от Пылевого Демона, по твёрдому убеждению Ворона, было просто невозможно. Старый волшебник не понял, что за чудо-меч появился в руках принцессы в самый напряжённый момент, как не понимал и то, почему он вызвал столь яростное неприятие у Наллики. Деву Лесов он знал давно – она отличалась кротостью и мягкосердечием, подобно и её госпоже, могущественной Ялини, Хозяйке Зелёного Мира, – но никогда не видел Наллику в такой ярости. Казалось, перед ней появился сам Владыка Тьмы собственной персоной.

Не понимал старый чародей и того, кто же так здорово помогал принцессе во время схватки. Не сама же она, ясное дело, придумала все эти приёмы, позволившие ей сначала отправить в небытие добрую дюжину Сыщиков, а потом расправиться с самим Пылевым Демоном, не говоря уж об арбалетных стрелах.

Дор-Вейтарну не удалось в деталях выяснить, что случилось с Арьятой после того, как она вырвалась из кольца в зачарованной роще. Каким-то образом принцессе удалось пять долгих дней продержаться в лесах против целой орды койаров и их чудовищных прислужников – Ворон не мог сказать как. У него даже мелькнула мысль, что девушка вовсе и не нуждается в его помощи, если в минуту острейшей нужды способна к столь сильному и изощрённому колдовству.

И всё же он обязан был помочь ей – и потому, что она была попавшей в беду принцессой, и для того, чтобы привлечь внимание тех, кто командовал койарами.

Волшебник громко вздохнул. Он стоял, наклонившись над чашей родника; потом зачерпнул ладонями воду и, резко произнося заклятье, швырнул вверх сноп сверкающих капель. Несколько мгновений он ждал, а потом, не выдержав, вновь склонился над источником: подобно Наллике, он использовал его для дальновидения.

В глухом лесу койары неожиданно попали под сильнейший, хлещущий, подобно бичу, ливень: дождевые капли вонзались словно стрелы. Сперва старший среди воинов Чёрного Ордена отдал приказ укрыться под деревьями, но внезапно насторожился, замерев под секущимися струями, как будто к чему-то принюхиваясь. Дор-Вейтарн видел искажённое яростью лицо воина – он был

настолько взбешён, что даже сорвал чёрный капюшон-маску, закрывавший голову. Без сомнения, он почуял направленное против них заклятье, и сейчас малефики Ордена возьмутся за работу.

Но прежде чем они доберутся-таки до него, Ворона, стоило послать охотящимся за принцессой чёрным воинам ещё несколько приятных подарков. Дождь внезапно прекратился, сменившись невесть откуда взявшейся в этих лесных краях песчаной бурей. Ворон постарался на славу – ветер швырял в лицо воинам целые пригоршни острого, секущего, подобно отточенному лезвию, песка, они увязли во внезапно появившихся у них на пути рыхлых барханах – старый волшебник использовал всё своё умение управлять стихиями воды и ветра. До времени он не хотел показывать врагам свою подлинную мощь – заветные боевые заклятья он прибережёт напоследок, – но и сделанного им вполне хватало, чтобы помочь Арьяте оторваться от погони. Следя за ней, чародей с удовлетворением убедился, что девушка не просто бежала куда глаза глядят, гонимая одним лишь острым ужасом, – направление её пути, то, как она обходила препятствия и затем вновь возвращалась к одной ей видимой оставленной тропе, говорило о том, что Арьята пробирается к Пещерам Ортана, известному месту сбора всех Белых Колдунов Западного Хьёрварда, и про себя Ворон одобрил её решение. Другое дело, что этот путь был очевидным, и предводительница Чёрного Ордена вполне могла устроить засаду на ближних подступах к Ортану...

Дор-Вейтарн уже собирался послать весть об этом хранительницам Пещер, как вдруг сообразил, что Халлан стоит на пороге самой настоящей магической войны. В свару смертных колдунов вполне могли вмешаться их наставники, Истинные Маги, чей дом – Замок Всех Древних и из колдовства которых черпали силу для своих заклинаний все без исключения чародеи-люди; а койары, по слухам, имели могущественных покровителей там, на вершине Столпа Титанов. «Готов ли ты ввергнуть в хаос новой войны весь Западный Хьёрвард?» – напрямик спросил себя Ворон, тотчас ощутив в груди предательский холодок липкого страха. Сам он был готов бестрепетно вступить в смертельную схватку хоть со всем Орденом – но подставлять других было выше его сил.

Логово койаров было надёжно укрыто от излишнего любопытства как волшебников, так и простых смертных; нечего было и пытаться без помощи других собратьев по Кругу Ортана проломиться к цитадели Ордена. Однако Дор-Вейтарн легко мог представить себе, как склонились над своими магическими амулетами малефики его противника, пытаясь как можно скорее разобраться в

том, кто и почему противодействует им. Ворон знал, что ответ его врагами будет найден очень быстро.

Тем временем задержанные его колдовством койары, похоже, ненадолго потеряли след. Дор-Вейтарн постарался вложить в свои заклятья и нечто отбивавшее на время чутьё даже у Пылевых Демонов. Они быстро приспособятся к этому неприятному сюрпризу: чародей знал, что день или два – и созданная им помеха перестанет мешать Демонам, подобно тому как человек может свыкнуться даже с не слишком приятным запахом, если этот запах не чрезмерно силён.

Тем временем Арьята добралась до берега Свиррле – быстрой и чистой речки, отделявшей от предгорий просторы лесистых равнин Халлана. За Свиррле в двух днях пути лежали Пещеры Ортана.

* * *

Кубарем скатившись по крутому песчаному откосу, Арьята упала прямо в мелкую воду, припав к ней, точно дикий зверь на водопое, – последний день она не выпила ни капли. Губы распухли и кровоточили, она кусала их, когда силы окончательно оставляли её. Все эти дни Арьята брела наугад – точнее, ей казалось, что наугад. Её не покидала мысль о Пещерах Ортана. «Но для того чтобы добраться до них, – думала она, – неплохо бы узнать, где ты сама находишься». Она пробиралась на север, где по реке Свиррле стояло много селений охотников и лесорубов. Там, полагала Арьята, она сама может добыть еду и перевести дух. Погоня заметно отстала, хотя принцесса и не понимала почему. Пещеры Ортана лежали за рекой, в предгорьях Северного хребта; если удачно выйти к реке, то добраться до них можно за два-три полных дня; если же она заплутала, дорога к ним может отнять и всю неделю.

На берег Свиррле принцесса выбралась совершенно обессиленная. Она оказалась в лесных дебрях с одним-единственным стилетом в руках. Девушка не могла ни развести огонь, ни толком заночевать – страх гнал её вперёд, и лишь дважды она позволяла себе вздремнуть, вскарабкавшись на дерево, когда чувствовала, что не сможет сделать дальше ни одного шага.

И всё же она выбралась. Выбралась, ни разу не прибегнув к колдовству, – ходили слухи, что чародеи Ордена чуют за множество лиг любую волшебу и могут

выследить сотворившего заклятье, – вымокшая, грязная, оборванная, измученная, но всё-таки избегнувшая цепких лап Чёрного Ордена.

Напившись, Арьята с трудом поднялась на ноги. Она стояла по щиколотку в быстром потоке; до противоположного берега было около двух десятков сажень. Свиррле всегда отличалась бурным течением, сил у принцессы почти не было – и всё же она переплывёт эту проклятую реку во что бы то ни стало! Арьята оглянулась, отыскивая какую-нибудь корягу или бревно, которое могло бы выдержать её тяжесть.

Первый её взгляд упал направо, там очень кстати оказалось совсем сухое бревно; и тут над дальним лесом, куда несла свои воды быстрая Свиррле, к небесам рванулся исполинский столб тёмно-багрового пламени. Он стремительно и бесшумно рос и рос вверх, его клубящаяся вершина достигла туч, разметала и испепелила их – и только тогда до Арьяты докатился гром чудовищного удара, почти расколовшего небесную твердь. Ошеломлённая, она застыла, не в силах оторвать взгляд от зловещей огненной колонны.

* * *

Дор-Вейтарн никак не мог ожидать от Ордена такой прыти. Едва он увидел выбирающуюся на берег Свиррле принцессу, как над его заклинательной пещерой злобно и тонко завыл ветер. Точнее, он взвыл лишь на несколько мгновений, но осторожному Ворону хватило их, чтобы поспешно взвить над своим жилищем давно заготовленный, любовно сотканный десятками разнообразных заклятий невидимый щит из сгустившихся воздушных слоёв. Старый волшебник сделал это – и тотчас последовал таранный удар такой неодолимой мощи, что щит разлетелся вдребезги. Правда, не уцелел и таран – на месте их столкновения к небесам рванулся тёмно-огненный столб, который и видела Арьята.

Всё вокруг тотчас заполнилось удушливым дымом, сверху слышался треск разбушевавшегося огня; лес возле заклинательной пещеры Дор-Вейтарна вспыхнул, точно сухая солома. Малефики Ордена предпочитали не рисковать повторными ударами. Но неужели они, так быстро найдя Ворона, стремились лишь уничтожить его вместе с жилищем и их нимало не заботила судьба Трогвара, за которым они так долго и безуспешно гонялись в Нелласе, не считаясь ни с какими потерями? «Одно из двух, – лихорадочно думал Дор-

Вейтарн, поспешно приводя в порядок свои защитные заклятья, – либо неверно всё, что я предполагал насчет принца, либо этот удар нанесли не они».

Больше старый волшебник не мог следить за Арьятой; едва оправившись от потрясения, он увидел в хрустальной чаше своего родника окрестности заклинательной пещеры – и воинов Чёрного Ордена, пробиравшихся через ближний лес. Казалось, пылавший вокруг убежища Дор-Вейтарна пожар их нимало не смущает. Они знали, что волшебник видит их, – и не слишком скрывались.

Мысленно Дор-Вейтарн воздал должное предводительнице Ордена – вряд ли кто из известных ему чародеев смог бы так быстро перебросить к его обиталищу несколько сот воинов и без малого тысячу всяких страшилищ.

Койары на сей раз не мешкали. Они и так совершили слишком много ошибок. Упустили Арьяту и Трогвара в Нелласе – раз; позволили Эммель-Зорагу беспрепятственно покинуть город – два; дали принцессе добраться почти до самых Пещер Ортана – три. И настроены они теперь были весьма решительно. Все заготовленные Дор-Вейтарном пути отступления оказались перехвачены. Даже сотвори он заклятье превращения и обратись хоть в комара, хоть в муравья – повсюду его поджидали чуткие и быстрые охотники. Можно было лишь поразиться тому, с какой изощрённостью готовилась эта атака: твари крылатые и бескрылые, громадные и едва различимые глазом, бегающие, летающие, ползающие, плавающие – предводительница захватила с собой всех их в избытке. Она позаботилась и об Астрале. Смертные колдуны не умели открывать Врата Миров или совершать перемещения, в один миг оказываясь за тысячи и тысячи лиг от того места, где находились, подобно Истинным Магам, но не слишком далёкие прыжки доступны были и им – сливаясь со своим астральным двойником и переносясь как бы в его «теле». Предводительница, конечно же, прекрасно знала об этом. У высоких врат Астрала, какими только и могут войти в него смертные, появилась надёжная стража – зачарованные демоны, сродни Пылевым, но куда сильнее. В реальном мире их сила оказывалась чрезмерной для скрепляющих их тела заклинаний, они не смогли бы выдержать там и нескольких мгновений – однако прекрасно чувствовали себя в Астрале.

Да, это была настоящая охота – облавная охота на матёрого волка, в котором зверем был Дор-Вейтарн, а загонщиками и ловчими – вся свита предводительницы койаров. Никогда ещё Ворону не противостоял враг столь

многочисленный, равно как и коварный.

Над головой старого волшебника мало-помалу затихали треск и гудение огня. Очевидно, койары сами сбивали ими же вызванное пламя; предводительница считала дорогу к заклинательной пещере Дор-Вейтарна если и не расчищенной, то по крайней мере открытой для первой атаки.

И они пошли. Растянувшись редкими цепями, пробираясь ползком от укрытия к укрытию, воины Ордена двинулись вперёд. Ни один из них пока не прибег к каким бы то ни было вводящим врага в заблуждение заклятьям – у слуг предводительницы оказалась завидная выдержка. Они не хотели дать врагу и малейшего шанса разгадать систему защищавших их чар до того, как он сам будет вынужден нанести первый удар – и, по логике магической войны, раскрыться, сделавшись уязвимым для ответного нападения.

В первых рядах атакующих шли люди. Чудовища почему-то держались поодаль; быть может, предводительница рассчитывала, что Дор-Вейтарну будет нелегко убивать смертных, таких же, как и он сам?

Однако в этом она ошиблась. Было время, когда Ворон помогал и жалел всех приходящих к нему за советом и помощью, пока не понял, что многие откровенно смеются над ним и пользуются его благодеяниями ради того, чтобы творить зло другим.

Истинные Маги были тоже заняты сейчас своей очередной войной – шло Восстание Ракота, поколение Магов под водительством Главы Совета Замка Всех Древних, великого Мерлина, билось на стороне Молодых Богов против своего восставшего собрата. В Мире творилась великая волшба, смертным колдунам и чародеям было где почерпнуть сил, и они могли заставить служить себе косную материю земной тверди.

Давным-давно от своего учителя, бывшего, в свою очередь, учеником одного из Истинных Магов, Дор-Вейтарн перенял несколько древних, но очень действенных боевых заклятий, и теперь ему оставалось лишь надеяться, что эти чары окажутся неожиданными и для руководителей Чёрного Ордена.

Жадные земные губы под ногами у воинов внезапно разошлись, несколько фигур в чёрном беззвучно сорвались в развёрзшиеся провалы. Голодные земляные

духи, которым вечно требуются рабы для не ведомой никому из Смертных работы, вцепились невидимыми крючьями на концах своих длинных призрачных языков в души обречённых слуг Ордена.

Дор-Вейтарна передёрнуло от омерзения. Он знал, что ему будет нелегко справиться с укорами совести, потому что это его чародейство обрекало койаров, попавших в лапы земляных духов, на поистине жуткое посмертие. Именно заклятья Ворона собрали сюда, к его жилищу, эту жадную орду; и вина за гибель обманутых предводительницей людей всецело лежала на нём, волшебнике по имени Дор-Вейтарн.

Однако чёрные пасти провалов поглотили лишь несколько десятков воинов Ордена из идущих на приступ многих сотен. Остальные с ловкостью диких кошек сумели увернуться, и Ворон мог лишь ещё раз подивиться несравненному боевому умению койаров. У них уходила из-под ног земля, однако кто успевал отпрыгнуть в сторону, кто – метнуть верёвку с якорем-кошкой на конце и зацепиться за верёвку или сук; другие сумели выхватить кинжалы и вонзить их в края трещины, оставшись висеть над роковой чернотой. Дор-Вейтарн сумел задержать врагов, но никак не остановить их.

Малефики Ордена пока бездействовали, то ли удовлетворившись своим первым ударом, то ли и в самом деле боясь чересчур мощными заклинаниями причинить вред Трогвару. Ворон не ошибался – принц был нужен койарам, и нужен только живым.

Тем временем алчно раскрытые губы земли мало-помалу смыкались. Духи удовлетворялись скромной добычей – как будто их что-то напугало.

Что ж, не приходилось надеяться, что предводительница и её чародеи так просто дадут ему отправить в небытие несколько сот воинов Ордена; у койаров нашлась управа и на духов.

Среди лесов появилась широкая выжженная прогалина. Её пересекала река, под берегом которой лежала заклинательная пещера старого волшебника. Страшной силы удар малефиков Ордена обнажил ранее тщательно укрытый второй вход в подземелье; в каменном своде теперь зияла широкая пробоина.

Если Дор-Вейтарна увидел кто-то из таких же, как он, стариков, его прежних соратников, с кем он не раз сражался против обычных смертных врагов, то друзья наверняка бы узнали в нём, нынешнем, бывшего отчаянного воина. В выцветших глазах вновь полыхал огонь; седая борода встопорщилась, морщинистые, перевитые толстыми синими верёвками жил руки словно сжимали поднятый для ответного удара невидимый меч...

Ворон медленно выпрямился во весь рост. Давным-давно позабытое упоение кровавым боем вновь овладело им; ждать больше было нечего, оставалось лишь нанести последний штрих на те заклинания, что будут доделывать гомункулуса, которого волшебник хотел подсунуть койарам вместо настоящего Трогвара.

Дор-Вейтарн сорвал и отбросил в сторону головную повязку, длинные седые волосы развевались, словно под сильным ветром; руки, стискивавшие рукоять невидимого меча, поднялись перед грудью в атакующую позицию. Все до предела обострившиеся чувства старого волшебника искали одного-единственного врага – предводительницу койаров, именно ей хотел он предложить честный поединок, – чтобы потом отступить, оставив Чёрному Ордену лишь разрушенную пещеру с трупом лже-Трогвара внутри.

Дор-Вейтарн сотворил заклинание – и дрогнули невидимые опоры, поддерживавшие твердь Астрала; ткань этого странного мира разошлась под одним из населявших его астральных двойников, – а именно под двойником той, которую все и в Халлане, и далеко за его пределами знали лишь как предводительницу Чёрного Ордена.

Прямо перед волшебником воздух задрожал, и сизые волны дыма стали быстро складываться в призрачную фигуру. Дух не имел лица, лишь там, где следовало располагаться глазницам, мрачно горели два жёлтых огня.

Ворон замахнулся своим невидимым оружием. Оно отнюдь не походило на магический меч Арьяты – клинок Дор-Вейтарна был родом из Астрала, там и только там он мог быть именно оружием.

Что-то свистнуло в воздухе. В самое последнее мгновение меч старого волшебника стал виден – оказавшись подле духа, астрального существа, распространявшего вокруг себя эманации того мира, меч попал в свою родную стихию.

С непостижимой быстротой и ловкостью призрак уклонился, как будто внезапный порыв ветра резко откинул прочь оконную занавесь. Оружие Ворона понапрасну рассекло воздух. И тотчас же из всех углов грянул торжествующий, издевательский хохот.

На губах чародея мелькнула тотчас исчезнувшая лёгкая усмешка. Итак, предводительница приняла предложенную ей игру – ей пришлось затратить огромные силы, спасая свою астральную сестру, на краткий миг её колдуны ослабили надзор за Дор-Вейтарном, и тот не преминул этим воспользоваться.

Подошедшие совсем близко к дыре в пещерном куполе воины Ордена внезапно увидели, как над проломом из ничего появилась фигура высокого, мощного даже в свои немалые годы старика в развевающемся сером плаще. В обеих руках он держал по недлинному, чуть искривлённому мечу-ноэру, как их называли в Западном Хьёрварде.

Несколько мгновений койары бездействовали, ожидая команды своих вожаков – человек это или призрак и стоит ли тратить на него стрелы или следует дать место малефикам? Некоторые самые жадные до боя даже не стали ждать, попросту разрядив в старика свои давно ждавшие дела арбалеты.

Стрелы протыкали полы ветхого серого плаща, свистели возле самой головы старика, но ни одна его не задела. Он как-то так ловко поворачивался – на палец вправо, влево, вперёд или назад, – что все болты первого залпа пропали даром. И прежде чем койары нажали спусковые крючки во второй раз, старик легко сбежал с Холма вдоль речного берега навстречу тем воинам Ордена, что подошли ближе всего к пролому в своде заклинательной пещеры.

Если малефики предводительницы и разобрались, что к чему, то команда не связываться с этим безумцем, а как можно скорее прорываться в пещеру пропала втуне. Коротко блеснула серая сталь неказистого оружия – и первый из слуг Ордена рухнул на пепелище, разрубленный от плеча до пояса.

Это было дикое побоище. Ни мечи, ни копья, ни стрелы не могли достать чудобойца. Без доспехов, он сражался так, что ни один из койаров не смог даже оцарапать его своим оружием. Бесполезны были диковинные прыжки и приёмы, метательные ножи и звёздочки с заострёнными краями, духовые трубки, стрелявшие отравленными иглами, и ременные петли арканов.

Однако койары были не из тех, кого могли бы остановить груды тел и видимая неуязвимость врага. Всё новые и новые воины Чёрного Ордена вступали в схватку; к ним присоединились Сыщики, метавшие свою ловчую снасть, – мало-помалу они стали теснить старика всё ближе и ближе к вешнему в заветную пещеру пролону, где – они не сомневались – колдун прятал принца Трогвара. А когда ребёнок будет у них в руках, сдастся и строптивая Арьята.

Дор-Вейтарн был счастлив. Счастлив кровью жестокого боя, счастлив своим умением, перед которым оказалось бессильно всё хвалёное искусство койаров, счастлив тем, что его рискованный план удаётся... Сейчас, ещё немного – и можно будет уходить. Он начал изображать усталость, чтобы подманить поближе как можно больше воинов Ордена.

Его действительно оттеснили на самую вершину; на склонах густо лежали мёртвые тела – Орден платил дорогую цену за каждую отвоёванную сажень. И старик даже не успел удивиться столь долгому бездействию предводительницы (ну пусть она занята своим астральным двойником, но почему её малефики спокойно взирают на истребление чёрного воинства?), как койары ответили ударом на удар.

Сперва это была волна ледящего холода, подобная ударившему в грудь могучему штормовому валу, начинённая ядовитой магией, – от неё задрожали и ослабели заклятья, поддерживающие несравненное умение Дор-Вейтарна; в глазах у него всё поплыло, он едва отмахнулся мечом от очередного выпада – и, шатнувшись назад, полетел вниз, провалившись в пролом. Его гаснущее сознание ещё успело отдать последний приказ – и в тесном пространстве заклиательной пещеры грянул мощный взрыв.

Глава VIII

Арьята позволила себе лишь несколько мгновений смотреть на странный огненный столб. Мало-помалу он растворился, без остатка проглоченный воздушным океаном, и лишь серая дымка, затянувшая горизонт, ещё напоминала о случившемся. Принцесса столкнула так кстати отыскавшееся бревно в реку и поплыла.

Кінець ознакомительного фрагмента.

Купити: <https://tellnovel.com/nik-perumov/voin-velikoy-t-my>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)